

Джон Бойнтон
Пристли

При блеске дня

АНГЛИЯ. КЛАССИКА. XX ВЕК

Джон Пристли
При блеске дня

«АСТ»

1946

Пристли Д. Б.

При блеске дня / Д. Б. Пристли — «АСТ», 1946

Чего не хватает в жизни преуспевающему, талантливому писателю, работающему в Голливуде? Он немолод – но ведь с годами приходит мудрость. Он не женат – но разве это не его собственный выбор? У него есть деньги и имя, его сценарии нарасхват, его любит знаменитая актриса. Так почему же в душе Грегори Доусона поселилась тоскливая, гнетущая пустота? Случайная встреча в отеле у моря с семейной парой, с которой Грегори общался давным-давно, заставляет его переосмыслить прошлое, чтобы найти ответ на вопрос: когда именно все пошло не так? И не поздно ли еще все изменить?..

© Пристли Д. Б., 1946

© АСТ, 1946

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	22
Глава четвертая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Джон Бойнтон Пристли

При блеске дня

Посвящаю жене за 14 сентября

При блеске дня ехидна выползает...
Уильям Шекспир. Юлий Цезарь¹

J.B. Priestley Bright Day

Печатается с разрешения автора и литературных агентств United Agents Ltd и Synopsis.

© J.B. Priestley, 1946

Школа перевода В. Баканова, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Глава первая

Поехать в Тралорну и остановиться в гостинице «Ройял оушен» мне предложил Brent, кинопродюсер. По его заказу я писал сценарий для фильма «Леди наносит ответный удар» – точнее, несколько месяцев валял дурака, пока Brent внезапно не заявил, что сценарий ему нужен как можно скорее. Чтобы закончить работу в сжатые сроки, мне было просто необходимо куда-нибудь уехать. Brent предложил Тралорну и «Ройял оушен». В прошлом году они снимали в Корнуолле фильм и останавливались там со съемочной группой. «Лучше места не придумаешь, Грег, – сказал он. – Делать там совершенно нечего, только работать. Номер у тебя будет размером с кинопавильон, кормежка никудышная, а большинство постояльцев приехали туда доживать последние дни. Словом, голодно и скучно – идеальные условия для работы. Смотри не обмолвись хозяевам о нашем знакомстве: они меня на дух не переносят. Бар в гостинице, кстати, приличный, но советую тебе там не засиживаться. Чтобы к середине следующего месяца сценарий был готов!»

И я поехал. А Brent (который всегда говорит так, что невольно сомневаешься в любых его суждениях) вновь меня удивил: все его суждения по поводу гостиницы «Ройял оушен» оказались совершенно справедливы. О лучшем месте для работы нельзя было и мечтать. Меня поселили в огромном номере на самом верху башни, и, работая высоко над сверкающим морем, я чувствовал себя зрителем маяка. Кормили и впрямь скверно, а крошечные порции строго выверенных размеров наводили на мысль о бригаде физиков в поварских колпаках; большинство постояльцев действительно выглядели так, словно приехали сюда доживать последние деньки, а некоторые – словно уже дожили и призраками навек поселились в этих стенах. Мне было голодно, скучно, и я много работал.

Бар действительно оказался неплохим, а Brentа и съемочную группу хозяева вспоминали так, как жители разоренного города вспоминают армию оккупантов. Гостиница была больше, чем я ожидал; она стояла на высоком утесе, за окнами столовой кричали чайки, а где-то далеко внизу ворчал и вздрагивал Атлантический океан. На стенах коридора и вестибюля висело множество бутфорских копий, алебард, щитов и доспехов – сплошные свирепые львы и отдыхающие леопарды. Такое впечатление, что кинокомпания «Метро-Голдвин-Майер» недавно снимала здесь малобюджетный фильм «Айвенго».

Мой режим труда и отдыха был простым и скучным, как тарелка холодной овсянки. Все утро я тарабанил двумя пальцами по клавишам пишущей машинки у себя в башне, затем спускался к позднему обеду в столовую. Днем я бездельничал и отправлялся на прогулку то в деревню, то по дорожкам вдоль обрыва. Выпив чаю раньше положенного, я возвращался в башню и вкалывал до восьми, после чего торопливо шел в бар, где выпивал стаканчик розового джина, а потом принимался за одинокий ужин в углу столовой. К девяти часам я обязательно приходил в вестибюль послушать новости: среди свирепых и отдыхающих зверей гремело радио, сотрясая стены своей беззаветной уверенностью в будущем и рассказами слепцов о земле обетованной. Когда же трио (о них я поведаю позже) вновь принималось играть Эрика Коутса или Коула Портера, я прятался в баре или возвращался к себе, где порой разговаривал по телефону с Brentом или Георгом Адонаем, режиссером фильма, а чаще просто набрасывал план завтрашней работы – и непременно читал американские детективы самого низкого пошиба, многие из которых вышли из-под пера моих вечно пьяных голливудских коллег.

В Корнуолле царила весна, о том говорили все приметы: хлесткий дождь внезапно сменился ослепительным солнцем, по небу стремительно плыли облака, похожие на ветхие паруса, внизу бесновался зеленый океан, вдоль обрыва цвел утесник, а рядом с гостиницей красовались пышные подушки примул. Однако все это словно бы происходило где-то в стороне и не

имело ко мне никакого отношения. Весна не входила в мои рабочие планы, скучные и безотрадные, как и обещал Брент, – а значит, ничто не отвлекало меня от писанины.

Сцена за сценой, кадр за кадром нового фильма «Леди наносит ответный удар» появлялись на бумаге, точно по волшебству. Впрочем, это вовсе не значит, что мне не пришлось потрудиться. Когда пишешь сценарий, работает только одна часть мозга, зато работает на износ: старое доброе подсознание в таких делах не помощник. Как ни бейся, в глубинах разума сокровищ не найдешь, остается только работать извилинами и потеть.

Тут я должен заметить – это имеет значение для моего рассказа, – что будущий фильм был вовсе не так прост, как может показаться на первый взгляд и каковым он предстал бы в пресс-релизах. Мы не хотели снимать обыкновенную полуторачасовую комедию с парочкой трюизмов в финале. По сути своей картина была жесткой и холодной; ее игрушечные герои существовали в мире черного льда. Мы – Брент, я и Георг – хотели исподволь внушить миллионам и миллионам зрителей, расслабленно сидящих во мраке кинозалов, одну мысль: от этого мира нельзя ждать ничего хорошего, дальше будет только хуже, не позволяйте водить себя за нос. И хотя мы никогда не заикались об этом даже друг другу, каждый прекрасно знал, что делает и что остальные двое тоже это знают. Вот она, главная тайна кинопроизводства (пусть рекламные агенты, прокатчики и критики о ней не догадываются), самое настоящее волшебство кинематографа – это тихое нашептывание в темноте на ухо пятидесяти миллионам. Наверное, ошибочно утверждать, будто подсознание не играет в моем деле никакой роли, однако факт остается фактом: каждую сцену, каждую реплику ты спокойно и сознательно продумываешь и выписываешь. Это тяжелый труд.

В гостинице было около сорока постояльцев – сплошь старики да несколько молодых пар, которые заново познавали друг друга после войны. Каждый день я перекидывался с кем-нибудь парой слов – главным образом в баре, – но намеренно не заводил близких знакомств, ведь я приехал сюда работать, а не отдыхать. Особенно тщательно я избегал компании в первые дни, пока раскачивался; впрочем, я и потом продолжал держаться особняком, просто потому что никто меня особо не заинтересовал. И все же одна пара, поселившаяся в гостинице несколькими днями позже, пробудила во мне любопытство. В столовой они сидели всего через два столика от меня. На вид они были весьма состоятельны, даже богаты – обоим под шестьдесят, оба высокие, худые и какие-то иссохшие, словно бескровные. Как часто бывает с престарелыми супружескими парами, на первый взгляд они казались удивительно похожими друг на друга. Примерно одного роста, одинаково сухие, серые, почти прозрачные, с маленькими головами и плоскими лицами. Но вскоре я заметил, что у него глаза были голубые, холодные и мутноватые, а у нее – темные, беспокойные и по-прежнему ясные. Все говорило о том, что некогда она была очень красивой женщиной, однако из-за многочисленных процедур по возвращению молодости выглядела она гораздо старше и хуже своих сверстниц, которые не могли тратить столько времени и денег на внешность. Ее супруг был моложав, розовощек и вроде бы приятен в общении, но что-то в его взгляде говорило о склонности чрезмерно потакать собственным слабостям, которая свойственна многим престарелым зажиточным англичанам и всегда вызывала во мне отторжение.

Любопытство во мне проснулось от смутного чувства, что я уже где-то видел этих людей. Или они просто напомнили мне каких-то давних знакомых... Но кого? Когда и при каких обстоятельствах мы встречались? То и дело за обедом и ужином я напряженно изучал супружескую чету, силясь раскопать в памяти хоть что-нибудь... Все было тщетно. Эта маленькая неразгаданная тайна вскоре начала действовать мне на нервы, и потому несколько дней спустя я решил навести справки об этих загадочных и неприятных людях, которые, между прочим, не проявляли ко мне ни малейшего интереса. Я задал несколько вопросов завсегдатаям бара и в конце концов разузнал, что супружеская чета – лорд и леди Харндин. Он раньше был успешным коммерсантом и прямо перед войной получил дворянский титул.

Все эти сведения никак мне не помогли. Фамилию «Харндин» я слышал впервые.

– Раньше его звали иначе, – припомнил мой собеседник, мужчина по имени Хорнкасл. – Вот только не помню как. Во время войны он работал на правительство, но сейчас, конечно, все бросил. Может, вы на войне встречались?

Я точно знал, что нет.

– Если мы и встречались, то намного раньше. Из Америки я вернулся в начале сорокового и прожил там десять лет – в основном в Голливуде.

– В Голливуде! – сразу оживился Хорнкасл.

Удивительно, как часто люди оживляются при упоминании Голливуда – даже умудренные жизнью старики. Они могут не знать по имени ни единого продюсера, режиссера, сценариста, однако слово «Голливуд» неизменно заставляет их расплываться в улыбке. Звезды кино! Блондинки на миллион долларов! Оргии и пирушки!.. Хорнкасл едва не облизнулся от любопытства.

– Вы работаете в кино, Доусон?

– Да. Пишу сценарии.

– Стало быть, придумываете все, что будут говорить и делать на экране?

– По большей части.

Выкладывать ему сочные подробности голливудской закулисной жизни я не собирался, поэтому сослался на то, что у меня много работы, и отбыл. На обратном пути я принял решение выбросить несчастных Харндинов из головы. В конце концов спонсоры мне не нужны, так с какой стати я днями напролет думаю о титулованных богачах? Тем более они сами никакого интереса ко мне не проявляют. Довольно, сказал я себе, отныне никаких Харндинов.

Наверное, я бы так и не вспомнил, кто они такие, если бы не Шуберт.

Вот и настала пора рассказать о музыкальном трио. За роялем сидел старый чех по имени Зенек, который попусту растрачивал свой талант в баре; выяснилось, что я знаком с его братом, похожим на него как две капли воды, только гораздо ниже ростом и чище, – тот работал помощником режиссера в «Парамаунте». Скрипачка Сьюзен и виолончелистка Синтия, взъерошенные, но милые девушки из Королевского колледжа, приехали сюда ради бесплатного отдыха на море играть в баре Кольриджа-Тейлора, Эрика Коутса, Джерома Керна и иже с ними. Сьюзен была бойкая коротышка, а Синтия – очень высокая и тихого нрава. Девушки меня забавляли, причем не столько своей непохожестью друг на друга, сколько неизмеримым презрением к гостинице «Ройял оушен» и всем ее постояльцам. После чая и короткого разговора с Зенеким о его брате я обыкновенно перекидывался с девушками парой слов и высмеивал их репертуар (надо сказать, они относились к себе очень серьезно). Я шутил, что до настоящих музыкантов им как до луны, и ужасно злил этим обеих девушек, но в особенности бойкую Сьюзен. Назло мне они однажды решили сыграть Шуберта – и так я познакомился с четой Харндинов.

Я спустился к чаю с небольшим опозданием, когда трио уже оттарабанило подборку вещей из «Плавучего театра». Я заметил, что Сьюзен смотрит на меня особенно дерзко – у нее были очень выразительные темные глаза, – а высокая Синтия, обернувшаяся вокруг виолончели, уж очень робеет. Старик Зенек копался в нотах и весело ухмылялся. Я понял, что следующая композиция будет исполнена специально для меня. Музыканты вознамерились показать себя во всей красе. Я огляделся. Почти все постояльцы уже разошлись, и было очень тихо. Харндины все еще сидели за своим столиком; я строго велел себе не обращать на них внимания и стал ждать музыку, которую, подозреваю, не только выбрали, но и хорошенько отрепетировали. Наконец Сьюзен бросила на меня взгляд, в котором ясно читалось: «А вот съешь-ка!», и музыканты заиграли.

То была медленная часть трио Шуберта си-бемоль мажор, которое я сразу же узнал по виолончели, чей изящный голос медленно и мрачно покачивался на волнах бездонной неж-

ности. Несколькими мгновениями позже, когда виолончель тихо зароптала где-то на втором плане, мелодию подхватила пронзительно-щемящая скрипка, но я был уже далеко, в давно забытом мире и забытой поре. Я – молодой Грегори Доусон восемнадцати лет, застенчивый и неуклюжий – вновь очутился в гостинной Элингтонов в Брэддерсфорде. Это было полжизни назад, еще до начала Первой мировой. Тонкая лента музыки отодвигала один занавес за другим. Люди и места, которые, казалось, давно растворились в легчайших, почти незримых оттенках моей памяти или превратились в смазанные каракули на пожелтевших страницах старого дневника, начали внезапно вспыхивать перед моим взором, ослепительно живые, – а музыка все змеилась сквозь мое сердце подобно медленной процессии поджигателей. Дом Элингтонов, контора и склад на Кэнэл-стрит, домики на вересковых пустошах, сами Элингтоны: Оливер, Ева, Бриджит, Джоан и их друзья, дядя Майлс, тетя Хильда и вист... Экворт, старик Сэм и прочие мои коллеги с Кэнэл-стрит... Под пальцами вновь зашуршала голубая бумага для упаковки образцов шерсти, и словно по волшебству до меня донесся давно забытый аромат сирени, прибитой дождем летней пыли, чего-то горького... и над Бродстонской пустошью вновь вспархивали жаворонки. Когда музыка умолкла – случилось это скоро, поскольку трио сыграло лишь небольшой отрывок, – я с большим трудом вырвался из забытья, улыбнулся и похлопал музыкантам. В ту же секунду я вспомнил, кто такие лорд и леди Харндин: они по-прежнему чопорно сидели за столом, не разговаривая и не слушая музыку, а лишь молча и упорно борясь с дремотой этого праздного часа. Я пораился тому, что не узнал их сразу, ведь теперь мне было совершенно ясно – ошибки быть не могло, – это Малькольм Никси и его жена Элеонора, столь внезапно появившиеся в доме Элингтонов под эту самую музыку больше тридцати лет назад. Все мы с тех пор изменились, но как же я мог их не узнать?!

Конечно, они ничего не вспомнили; обратное было бы странно и совершенно для них противоестественно. Муж и жена сидели прямо, как штыки, и даже не помышляли о далеком 1913-м, – создания, вышедшие из троянского коня, которого мы столь неосмотрительно втащили в наш осажденный город. Малькольм и Элеонора Никси, внезапно нагрянувшие из Лондона и отобравшие у нас все самое дорогое, чтобы потом стать лордом и леди Харндин, теперь сидели в гостинице «Ройял оушен» Тралорна и гадали, куда себя деть.

Я вовсе не хотел с ними разговаривать; между нами не могло состояться радушной беседы. Однако желание встретиться с ними лицом к лицу оказалось слишком велико.

– Вот уже четыре дня я гадаю, где мы с вами могли видиться, – обратился я к Харндинам, – и наконец вспомнил.

Они любезно поздоровались, но не сумели скрыть некоторого смущения. Богатые люди должны быть осторожны.

– Меня зовут Грегори Доусон, больше тридцати лет назад мы с вами встречались в Брэддерсфорде. Мы даже вместе работали – «Хавес и компания», помните?

Да конечно, теперь они вспомнили. Переглянувшись, супруги и меня одарили милой ностальгической улыбкой, непоколебимо уверенные в том, что я отдаю себе отчет, каким далеким и нелепым было наше брэддерсфордское прошлое. В конце концов я ведь тоже отдыхаю в гостинице «Ройял оушен», не так ли? Состоятельный господин средних лет... Что ж, надо непременно встретиться за коктейлем или чашечкой кофе с ликером и вспомнить старые добрые времена. Примерно к этому, как я и предполагал, свелся наш разговор.

– Позвольте-ка, – все еще улыбаясь, сказал лорд Харндин, – вы ведь записались добровольцем, не так ли? А потом что? Торговлей больше не занимались?

– Нет, после демобилизации в 1919-м я получил работу на Флит-стрит, был несколько лет журналистом, написал пару романов, пьесу и в конечном итоге попал в Голливуд.

– А-а... кинематограф.

Я заметил, что Элеоноре тоже понравилось, как это звучит. Выходит, юный Доусон неплохо устроился. Кино – прибыльное дело.

– Помню-помню, – медленно проговорила она, бросив на меня весьма лестный взгляд по-прежнему красивых глаз, разом уничтоживший две мировые войны и годы неразберихи между ними, – вы и тогда были смысленным юношей, уже что-то писали.

– Больше болтал, чем писал. А теперь наоборот: приходится писать и помалкивать. Ну, мне пора, работа ждет, сроки горят. Еще увидимся – быть может.

Теперь лорд и леди смотрели на меня совсем другими глазами, нежели чем когда я впервые обратился к ним со словами о нашем общем прошлом. И все же в их взгляде сквозила неуверенность: они не могли решить, что думать о писателях, которые, как показывал опыт, могли быть и бездельниками, и могущественными злыми колдунами. В итоге Харндины на всякий случай попросили меня поскорее составить им компанию. (Настолько им было скучно и одиноко.) Я пообещал исполнить их просьбу и спешно удалился, ничем не выдав, что минуту назад передо мной разверзлась пропасть воспоминаний, – словно Брайерсфорд остался для меня в таком же далеком прошлом, как и для Харндинов, и словно Шуберт не нашептывал мне только что из могилы.

Глава вторая

Есть несомненные преимущества в том, что тебе пятьдесят и за плечами – серьезный профессиональный опыт. Я поднялся в номер с намерением долго работать – и работал. Пусть Брайдерсфорд, Элингтоны, дядя Майлс и все остальные только что занимали мои мысли без остатка, усилием воли я отодвинул их на второй план и попросил подождать. Написанные в тот вечер сцены оказались ничуть не хуже и не лучше утренних или вчерашних; пожалуй, сначала мне было трудно сосредоточиться – но и только. Однако, спустившись вечером к ужину, я понял, что не смогу побеседовать с Малькольмом и Элеонорой Никси (называть их Харндинами язык не поворачивался), пока не приведу в порядок воспоминания о своей жизни в Брайдерсфорде. А вдруг выяснится, что я в них ошибался? Была и другая опасность: если бы я не попытался воскресить в памяти события тех дней, не познакомился заново с четой Никси, то в непринужденной атмосфере посиделок за кофе, на фоне стариковской болтовни и успеха в высоком обществе я мог опуститься до такого же снисходительного отношения к собственной молодости, мог из одной только лени принять идеалы и воззрения Харндинов. В этом случае великое движение жизни и вызов, что звучали в медленной мелодии Шуберта, потеряли бы всякий смысл. А я хотел, чтобы они что-то значили. Это было мне необходимо, насколько нечто подобное вообще может быть необходимо человеку. Чтобы шагнуть вперед, я сперва должен сделать шаг назад.

Поэтому, когда после ужина я вошел в бар и увидел, как Никси выжидательно смотрят по сторонам (Малькольм даже помахал мне рукой), я подошел к их столику и сказал, что вынужден как можно скорее вернуться к работе. Они расстроились – причем искренне – и спросили, когда у меня будет свободное время. Быть может, завтра?

– А знаете, Доусон, – произнес Малькольм после минутного колебания, – по-моему, вы тоже давненько не вспоминали старый добрый Брайдерсфорд. Столько воды утекло... Благодаря вам мы весь день предаемся воспоминаниям: Элеонора помнит одно, я другое. Люди, имена... Все это в некотором смысле любопытно.

– Не все наши воспоминания сходятся, – с улыбкой добавила его жена. На ней было черное платье, и она явно тщательно готовилась к ужину. Несмотря на старческую дряблую кожу и чересчур яркий макияж, который скорее подчеркивал возраст, нежели скрывал, в золотистом свете бара леди Харндин все еще была весьма привлекательна и не так уж безнадежно отличалась от Элеоноры Никси из моего прошлого. – Мы надеемся, вы нас рассудите, мистер Доусон. Если, конечно, из-за Голливуда и прочего память не подводит вас еще досаднее, чем нас.

– Посмотрим. Я действительно давно не думал о Брайдерсфорде, – ответил я, – но память у меня хорошая. Так что продолжайте ностальгировать, а я присоединюсь к вам позже.

Тут кто-то подошел к столику и предложил Никси сыграть партию в бридж, поэтому я смог улизнуть. В номере – его изрядные размеры позволяли легко забыть, что это спальня, – я включил электрический камин, надел удобную пижаму, халат и тапочки, погрузился в кресло, закурил сигару, несколько минут слушал завывание ветра за окном башни и шелест прилива внизу, а затем отправился в далекое прошлое – напрямик в довоенный Брайдерсфорд.

В Уэст-Райдинге живет немало Доусонов, однако в Брайдерсфорде родилась моя мать, а не отец (он родом из Кента). В девичестве ее звали Лофтхаус, и они с отцом познакомились в Скарборо, если не ошибаюсь, во время его первого приезда домой из Индии, где он был на государственной службе. О своем раннем и позднем детстве я решил не писать – в тот вечер я о них не вспоминал, – так что предлагаю пропустить эту пору моей жизни и сразу перейти к рассказу о том, как я попал в Брайдерсфорд.

Я был единственным ребенком в семье; поэтому, когда меня отправили учиться в частную школу (недорогую и малоизвестную), мама уехала к отцу в Индию и большую часть вре-

мении жила там. В последний год моей учебы – всего за несколько недель до сдачи вступительного экзамена в Кембридж, – мой отец, человек добросовестный и крайне упрямый, слег со страшной лихорадкой, а мама примчалась его выхаживать и пала жертвой той же эпидемии. В считанные дни я остался без обоих родителей. Потрясенный и раздавленный горем, я при всем желании не смог бы сдать вступительный экзамен. Порой мне казалось, что я тоже умер и превратился в привидение. Взрослея, мы часто забываем, что в юности отчаяние еще более громадно и всепоглощающе, чем оптимизм: никогда больше перед нами не вырастают столь неприступные голые стены печали. С годами я многое повидал – торчал в окопах по пояс в воде, угодил под пулеметный огонь, пережил бомбежку и отравление ядовитым газом, считал последние шиллинги, терял всех друзей до единого, видел, как мою работу портят чужие люди, и портил ее сам, но никогда меня не обуревали такое горе и безысходность, как в те последние месяцы учебы. Говорю я это лишь затем, чтобы вы поняли, какие чувства я испытывал – и продолжаю испытывать – в отношении тех двух лет в Браддерсфорде. Я поднялся на холмы Уэст-Райдинга напрямиком из болота.

А помогли мне из него выбраться заботливые руки дяди Майлса, единственного брата моей матери, и его жены, тети Хильды. Своих детей у них не было, и меня они любили так же сильно, как я их. Мы договорились, что после окончания учебы я приеду жить в Браддерсфорд, где, разумеется, я уже не раз бывал. Если позднее я все-таки захочу поступить в Кембридж, они об этом позаботятся (им пришлось бы почти целиком оплатить мое образование, поскольку наследство мне досталось весьма скромное). Однако я заверил их, что поступать никуда не хочу и учеба больше меня не интересует. А вот чего мне по-настоящему хотелось, так это писать, но я пока не знал, что именно. Большую часть времени я только воображал, как буду писателем – неким абстрактным тружеником пера, – вместо того чтобы всерьез задуматься о своем призвании. Это простительно для юноши и губительно для взрослого человека. Раз или два я намекнул дяде с тетей о своей мечте, и те в ответ разумно заметили, что при всем желании не смогут сделать из меня писателя – это под силу лишь мне самому. А тем временем, раз уж я не хочу поступать в университет, почему бы не заняться чем-нибудь полезным и не подзаработать денег? В конечном итоге было решено: после праздников дядя Майлс попробует подыскать мне какую-нибудь работу в области производства или торговли шерстью. Так я попал в Браддерсфорд, где вскоре устроился в «Хавес и компанию» и познакомился с Элингтонами, а также с их окружением, в том числе Малькольмом и Элеонорой Никси.

Дядя с тетей жили в районе Бригг-Террас, молодом и растущем пригороде на севере Браддерсфорда, между лаврово-араукариевой роскошью и великолепиям особняков Мертон-парка, где жили богатые коммерсанты и владельцы шерстяных фабрик, и длинной мрачной Уэбли-роуд, по которой сродни призракам бродили туда-сюда трамваи. Дом был совсем скромный, но очень уютный. Мне выделили большую спальню в задней его части, где я спал и проводил досуг. В двух книжных шкафчиках поместилась моя небольшая библиотека, и я с достоинством королевского библиотекаря регулярно переставлял с полки на полку томики двух собраний классической литературы – «Библиотеки для всех» издательства «Рэндом хаус» и оксфордской «Мировой классики», а также немногочисленную коллекцию современных произведений. Стены я завесил собственными фотографиями и репродукциями шедевров изобразительного искусства. В углу поместился шумный газовый камин. С чердака я притащил в свою комнату старое дедушкино бюро и два покосившихся кожаных кресла. Так спальня превратилась в гостиную, где я мог бы принимать друга – как только друг найдется. Источниками света служили две злобные калильные сетки, небольшие, зато яркие и словно бы трепещущие от гнева. Помню я и вид из двух моих окон. Одно выходило на довольно унылую панораму задних садов, пыльных зарослей бирючины, бельевых веревок и сваленных в кучу досок на пустыре, а сбоку возвышалась огромная труба Хигденской фабрики – в то время это была самая большая труба самой большой шерстяной фабрики в мире. В другом окне за россыпью

крыш виднелся в дымке краешек вересковой пустоши. Разумеется, я был в восторге от своей комнаты, и никакое другое жилье потом не рождало в моей груди столь приятного чувства обладания – хотя мне доводилось жить и в Амальфи, и в Санта-Барбаре. Впрочем, я был молод и непоседлив, поэтому проводил в своей комнате только ночи; самое большое удовольствие я получал просто от осознания, что такая комната у меня есть.

Дом в Бригг-Террас почти сразу стал мне как родной и вовсе не потому, что все мое детство прошло в разъездах, а благодаря стараниям тети и дяди. Я одинаково любил их обоих, но они были настолько разными людьми, что подчас казались мне дуэтом комедиантов. У тети Хильды отсутствовало чувство юмора – то есть вообще, начисто. При этом она без конца делала что-нибудь по дому: великолепная хозяйка и неутомимый борец за чистоту, она служила высшим идеалам безупречности, нам с дядей Майлсом не доступным. При этом тетя прекрасно готовила – и вот это мы вполне могли постичь. У нее работала одна служанка, пухлая и постоянно фыркаящая Элис, дочь горняка с Барнсли-уэй. Еще была поденщица миссис Спеллман – невысокая и тощая, но с оглушительным браддерсфордским голосищем, который всегда звучал одинаково громко: самые незначительные саркастические замечания сотрясали стены всего дома, а любые комментарии, сделанные во время мытья передней, были слышны далеко за пределами веранды. Тетя Хильда заваливала прислугу работой, не жалея, – но себя она жалела еще меньше. В компании же, одетая в строгое черное платье практически без украшений – а те немногие украшения, что у нее были, всегда имели похоронный вид, – бледная и болезненно красивая, тетя Хильда производила впечатление человека, медленно приходящего в себя после страшной утраты. На пикниках и вечерах, посвященных игре в вист, она выглядела так, словно пришла на чтение завещания. У тети были правильные черты лица, своей бледностью наводившего на мысль о мраморных статуях; уголки ее рта всегда были опущены, словно от неизбывного горя, и потому верхняя губа со временем удлинилась; говорила она низким скорбным голосом. Выбираясь на встречу с друзьями, больше всего тетя Хильда любила поболтать о своих недугах, из пустяковых превратившихся в серьезные, об операциях и катастрофическом упадке сил, о полном крахе и грядущей смерти. Другой ее излюбленной темой была недвижимость, потому что кое-какую собственность она унаследовала сама (подозреваю, благодаря этому они могли позволить себе содержание дома в Бригг-Террас) и в те годы говорить о недвижимости в Браддерсфорде было модно. Два пожилых респектабельных горожанина могли отправиться на долгую прогулку и беседовать исключительно о рынке жилья. По воскресеньям тетя Хильда (как и тысячи других браддерсфордцев) любила прогуливаться по дорожкам огромного кладбища за лесом Уэбли и там обсуждать с приятелями и приятельницами бесчисленные симптомы страшных болезней, смерти, похороны, завещания и дома.

Однако за этой скорбной маской скрывался неисчерпаемый запас доброты. Она с удовольствием принимала гостей и была щедрой хозяйкой, а также твердо придерживалась старомодного женского убеждения, что мужчин, сколько бы неприятностей они ни доставляли, необходимо часто, обильно и вкусно кормить. Причем тетя Хильда была весьма разборчива и привередлива. Мысль об этой ее черте заставила меня вспомнить и двух сестер Синглтон, которые держали небольшую кондитерскую лавку недалеко от Мертон-парка. То была любимая лавка моей тети – воплощение ее представлений об идеальном магазине. Сестры Синглтон, робкие и застенчивые старушки, неизменно краснели, сообщая, что вся выпечка уже распродана (казалось, в их крошечной лавке вообще никогда ничего не было, кроме этих извинений и пунцовых морщинистых щек), однако они настолько самоотверженно служили некому гастрономическому идеалу – заодно с тетей Хильдой и еще парочкой столь же разборчивых матрон, – что успевали испечь лишь десятую часть того, что могли бы продать. Любого современного дельца сестры Синглтон довели бы до отчаяния и самоубийства. В своем упорном желании продавать лучшее и только лучшее они превратили кондитерскую лавку в неприступную крепость хорошего вкуса и добросовестности. И если наша Вселенная – не просто бестолковая

машина для перемалывания вещества, то в каком-нибудь причудливом, но уютном измерении моя тетушка Хильда по сей день бредет в лавку сестер Синглтон за последним ржаным хлебом и шестью эклсскими слойками.

Я сидел в номере гостиницы «Ройял оушен», за окнами башни выл ветер, где-то внизу грохотал Атлантический океан, и сквозь года я вновь услышал тетушкино укоризненное: «Ну что же ты, Майлс!» Однако когда она произносила эти слова – а произносила она их очень часто, – в ее темно-карих глазах всегда появлялся едва уловимый озорной блеск. Теперь-то я понимаю, тетино неодобрение было напускным, а в душе она восхищенно аплодировала всем причудам и капризам своего мужа, коих у него был изрядный запас. В юности я, конечно, никогда всерьез не задумывался об их отношениях; они казались мне чем-то незыблемым и вечным, как Пеннинские горы. Но сейчас, плавая среди обломков чужих браков, я сознаю, каким необычайно крепким и счастливым был их союз. Временами они ругались, однако ничего даже отдаленно напоминающего серьезную ссору я не припомню. Тетя с дядей безупречно дополняли друг друга. Тайная подсознательная жизнь одного отражалась на лице другого. Печальные хлопоты, смертные одры и надгробные памятники, до которых дяде Майлсу не было никакого дела, давно стали привычным реквизитом тетиной общественной жизни; непринужденное сибаритство и паясничанье, что тетя сурово в себе подавляла, гордо выставлял напоказ дядя.

Он был приятным и добродушным толстяком, стабильно набравшим вес, с внушительным и красивым лицом – такие часто бывают у американских политиков, которые обещают больше, чем в состоянии исполнить. Густая копна волос, пышные усы, танцующие голубые глаза и сияющие румяные щеки – так он выглядел. (Я перепробовал все современные приборы для бритья вплоть до последних чудес техники, но того поразительного эффекта, какого дядя добивался при помощи обыкновенной опасной бритвы, мне достичь не удалось.) У него было собственное маленькое дело – что-то загадочное, связанное с отходами шерстяного производства и идеально подходящее для человека с широким кругом интересов. Если йоркширский крикетный клуб играл на стадионе «Лордс» или «Овал», у дядюшки всегда находился повод отправиться по делам в Лондон; если же он хотел отдохнуть недельку в Моркаме, Фили или Йоркшир-Дейлз, то работа от этого ничуть не страдала; притом даже в рабочие дни у него оставалась масса времени на домино и шахматы, любители которых собирались в курительных комнатах многочисленных кофеен близ шерстяной биржи. Словом, то было идеальное занятие для весельчака, чья жена унаследовала кое-какую недвижимость. Брэддерсфордская текстильная промышленность беспечной довоенной поры без труда кормила сотни подобных везунчиков. Я буквально вижу, как они сидят за шахматными досками в дымке душистой «Виргинии» или «Латакии», неспешно шагают на трамвайную остановку или садятся в поезд, отправляясь смотреть крикет в Лондон или ловить треску на Уорфе. Днем дядя Майлс курил исключительно трубку – всегда одну и ту же смесь «Биржевую» из магазинчика Порсона на Маркет-стрит (весьма недурную, я бы и сейчас от нее не отказался); вечером же, потягивая коктейль за томиком Уильяма Джекобса, он любил выкурить сигару. Дядя вообще много чего любил: прогулки по вересковым пустошам, черничный пирог, парное молоко; сидеть на солнечной стороне крикетного стадиона, любуясь игрой Хирста, Родса или Хэйга; кларнеты и флейты гвардейского духового оркестра в парке, играющего Делиба или Массне; Генделя в старательном исполнении брэддерсфордского любительского хора; кривлянья Маленького Тича и Роби, «Шестерых счастливых» или Фреда Карно в мюзик-холле «Империял»; пироги со свининой, телятиной или ветчиной, чай с капелькой рома; коварно обставить противников в вист, а затем устроить шумную игру в шарады; резкие выпады Ллойда Джорджа или Филипа Сноудена против тори и разгромные статьи ведущих авторов «Манчестер гардиан». Нет, в моем дяде не было ничего бунтарского, и разжечь огонь революции ему бы никогда не удалось – да не шибко-то и хотелось, – однако он придерживался твердых прогрессивных взглядов, всегда готов был их отстаивать и часто поражал меня умением вести подобные споры. Дядя Майлс до сих пор

жил в той свежей и полной надежд атмосфере раннего лейборизма, когда партия еще не знала предательств, а ее структура не успела стать излишне запутанной. В те дни, казалось, старая добрая Англия – с ее крикетом, Уильямом Джекобсом, «Биржевой» табачной смесью, свинными и черничными пирогами и июньскими утрами на рыбалке – все еще поджидала нас за ближайшим углом.

В нашем доме часто бывали гости – друзья семьи. Дядя и тетя ездили с ними отдыхать в Йоркшир-Дейлз, ужинали и играли в вист. С кем-то они познакомились в Конгрегационалистском молитвенном доме Парксайда, который регулярно посещали. Другие, понятно, были соседи, ибо в Баддерсфорде той поры, а может, и в теперешнем Баддерсфорде, но уж точно не в других современных городах соседи быстро становились друзьями; никто и помыслить не мог об одинокой жизни в унылых коробках, которая в тридцатых годах XX века едва не свела с ума тысячи домохозяек из пригородов. Люди скромно и непринужденно делились друг с другом теплом и принимали его как должное. Потому-то в нашем доме так часто бывали гости. И хотя мой дядя и его друзья иногда посещали концерты, театры и мюзик-холлы, все же гораздо чаще, чем принято теперь, они развлекались сами и развлекали других, не перекладывая это бремя на плечи киношников и работников радио. Пусть я пишу сук, на котором сижу, но я твердо уверен: людям того времени жилось куда веселее, чем безвольным толпам нынешних кинозрителей и радиослушателей. Быть может, если бы широкая публика и сегодня умела развлекаться самостоятельно, современные фильмы и радиопередачи были бы вынуждены соответствовать куда более высоким требованиям: в противном случае люди, не страдающие от скуки, просто не стали бы их смотреть и слушать.

Однако тут мне пора остановиться, – ведь если я начну вспоминать всех чудаков, с которыми дружил мой дядя, я никогда не доберусь до Элингтонов. Ничего не поделаешь, рано или поздно кое-кто из них все равно появится в моем повествовании – так же внезапно, как они появлялись в нашем доме, – но провоцировать я их не буду.

Итак, мне – молодому человеку восемнадцати лет – надо было как-то устроиться в жизни и в Баддерсфорде. Обживаясь в своей комнате, будучи в самых добрых и теплых отношениях с дядей и тетей, потихоньку приходя в чувство после потери родителей, еще не мужчина, но уже не школьник, я начал оглядываться по сторонам и познавать этот новый мир шерсти, фабрик и вересковых пустошей. Затерянный в дыму среди Пеннинских гор, оцетинившийся высокими фабричными трубами, с лицом из почерневшего камня, Баддерсфорд считается неприглядным городом. Однако его неприглядность зачастую не отталкивает, а наоборот, притягивает; он мрачен, но не убог. Вересковые пустоши были здесь испокон веку, и горизонт испокон веку вселял надежду. Ни один баддерсфордец не мыслил жизни без гор и голубого воздуха; одна его нога всегда была по колено в вереске; стоило лишь заплатить два пенса за проезд в трамвае и затем полчаса карабкаться вверх, чтобы услышать жаворонков и кроншнепов, понежиться на древних скалах, прогретых солнцем, и полюбоваться дрожащими на ветру колокольчиками. В ясные дни, когда вдаль хорошо просматривались горы, улочки центрального Баддерсфорда под зыбким пологом дыма казались мне особенными и по-своему очаровательными: они существовали на грани между тусклым золотом и серой мглой. Вот и теперь на любом задымленном железнодорожном вокзале ярким солнечным днем я сразу вспоминаю Баддерсфорд: как я изо дня в день шагал на работу в «Хавес и компанию» по Кэнэл-стрит. И еще мне приходят на ум строчки из Йейтса, Хаусмана, де ла Мара и Ральфа Ходжсона – просто потому что в те дни они подобно жирным золотым пчелам непрестанно жужжали у меня в голове. Я подолгу размышлял о смысле стихов у себя в комнате, носил самые выразительные и волшебные строки с собой по улицам и порой орал их во все горло, как дурак – пугая овец, – посреди ветреных вересковых пустошей. Все говорят, что современная поэзия очень хороша, но я что-то не представляю, как ее можно орать с горной вершины; я вообще ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь цитировал современных поэтов. Да, все меняется, и поэзия тоже.

Однако те стихи, которыми я восхищался в 1912-м, можно было твердить про себя снова и снова, как волшебное заклинание, или вытащить наружу и носить, как яркий шарф.

Примерно в то же время, когда мы начинаем восхищаться волшебством поэзии, в нашей жизни появляется и другая магия – ее творят удивительные незнакомцы и незнакомки, которых мы лишь мимоходом видим в трамвае и даже не чаем узнать поближе. Среди каменных джунглей города, по которому мы бродим, нам встречаются чудесные создания из неведомого и доселе невообразимого племени. Потом, становясь старше, мы тоже знакомимся с интересными людьми, но это уже не то: загадка, магия, мечты о ярких неизведанных мирах нас более не преследуют. Я до сих пор помню, как они преследовали меня в те первые месяцы в Брайдсфорде.

Самая короткая дорога из района Бригг-Террас в центр города – это мрачная и унылая Уэбли-роуд, по которой, стелая и раскачиваясь, бродят туда-сюда высокие трамваи. На них я и ездил, одинокий и неприкаянный, мучимый той сумасшедшей смесью гордости и застенчивости, какая обычно свойственна молодым людям. Именно в трамвае я впервые заметил одну любопытную компанию, в ней обычно было от трех до восьми-девяти человек, но удивительный дух ее при этом оставался неизменным. Они принадлежали тому самому загадочному и чудесному племени, живущему более полной жизнью, чем я. В трамвае я старался сесть как можно ближе к ним; встречая их случайно на улице, я непременно переходил дорогу, чтобы идти с ними по одному тротуару. Если же на несколько дней они исчезали, мне начинало казаться, что вступил в силу страшный и несправедливый приговор к изгнанию – причем изгнали не их, а меня.

Я понимал, что сердце компании составляет какое-то семейство, однако отличить родственников от друзей мне не удавалось. Несколько раз я видел в трамвае возможного отца: довольно высокий и темноволосый человек без шляпы, в старом твидовом костюме, с большими залысинами спереди, но густыми седеющими волосами сзади и овальным добродушным лицом. Матерью была, как я догадывался, красивая женщина тихого нрава. Но кто были дети, а кто – друзья детей, оставалось для меня загадкой. Был среди них один юноша на год или два старше меня, в костюме из плотного твида и развевающимся галстуке, всегда растрепанный, громко хохочущий и с вишневой курительной трубкой. Я не хотел признавать, что он мне интересен, однако в глубине души испытывал восхищение и чувствовал себя почти униженным, видя и слыша его бравату. Руки у него постоянно были чем-то заняты – книгами, пластинками или даже продуктами, – и он мог в три секунды занять четверть трамвайного салона. Но особенный душевный трепет вызывали во мне девушки – королевы и принцессы великолепного таинственного племени. Среди них была одна совсем юная, чуть неряшливая, всегда сверкавшая зеленым возбужденным взглядом. Другая девушка – нежная, улыбочивая, белокурая – часто ехала в сопровождении высокого черноволосого юноши, которому я страшно завидовал. Третья, постарше, со сливочно-белым лицом, темными бровями и огромными серыми глазами, первой обратила на меня внимание в трамвае: она бросила на меня веселый взгляд и тем самым как бы отметила мое присутствие – до сих пор я для чудесного племени не существовал. Все они были чрезвычайно увлечены собой и своими делами. Подгоняемые неопытным юнцом и зеленоглазкой, они каждый вечер спешили на какое-нибудь увлекательное мероприятие или возвращались домой, где их ждало что-то еще более увлекательное. Разговорчивые члены компании без конца болтали и часто спорили, но даже молчаливые оставляли четкий след на волшебной ауре группы. Я смотрел на них из внешнего мрака, разинув рот, околдованный и печальный. Они жили дальше по Уэбли-роуд, чем я; больше я ничего об этой компании не знал. Порой в надежде на встречу я ходил в том направлении гулять. В глубине моей души теплилась дерзкая вера в то, что когда-нибудь в результате удивительного стечения обстоятельств я попаду в зачарованный сад их дома и передо мной откроется дверь в светлую гостиную, полную улыбочивых и яркоглазых девушек, – чтобы впредь никогда не закрываться.

Однако я лишь вновь и вновь блуждал в лабиринте пригородных улочек и переулков, не находя заветного дома. Чудесные создания встречались мне – всегда внезапно и как по волшебству – исключительно на Уэбли-роуд. Оставалось загадкой и то, кто они такие. Когда я ехал в трамвае с тетей или дядей, как назло, их в нем не было, а мои подчеркнуто небрежные расспросы результатов не дали. Пришел октябрь с его едким запахом дыма, а я все бродил по меркнувшим улицам и переулкам, пиная кучи мокрых кленовых листьев. Загадочная компания мне уже давно не встречалась. Точно бабочки-малинницы, они исчезли вместе с летним солнцем.

– Что ж, Грег, – сказал дядя Майлс одним октябрьским днем, – похоже, я тебя устроил. Конечно, тебе придется сходить в контору и самому посмотреть, ответить на несколько вопросов и все такое, но дело в шляпе.

Я сразу понял, что речь идет о моей работе, поскольку он хлопотал на этот счет с начала сентября. С несколько преувеличенным восторгом я спросил, куда меня берут. Дядя Майлс сиял и ликовал.

– Работа немного не по моей части, – ответил дядя, который иногда всерьез считал себя очень деловым человеком. – Она связана с торговлей шерстью, а не с производством.

– Рада слышать, – вставила тетя Хильда. – Там вертятся настоящие деньги, Грегори. Сырьем никогда не прогадаешь: покупай себе да продавай, даже руки пачкать не придется. Вмиг заработаешь целое состояние.

– Ну, тут я бы поспорил, – возразил дядя.

– Не глупи, Майлс. У нас миллион таких знакомых. Богачи! А ведь двадцать лет назад многие из них ютились в крошечных домишках, за душой у них и десяти фунтов не было. Вспомни хотя бы двоюродного брата мужа Харриет, того самого, чья жена безвременно скончалась. Помню, видела бедняжку у доктора Фосета...

– Вот привязалась ты к этому доктору Фосету! – вскричал дядя Майлс, подмигнув мне. – Грегу неинтересно слушать про врачей, он хочет узнать про свою новую работу, верно я говорю? Ну так слушай, фирма называется «Хавес и компания», их контора находится на Кэнэл-стрит. Они малость отличаются от остальных шерстяных фирм, ребята с манерами и претензией, так сказать. Тебе как раз по душе придутся. Вообще-то это лондонская контора, а здесь у них филиал. Торгуют невыттой шерстью, кроссбредной и мериносовой, работают и на внутреннем, и на международном рынке. Джо Экворт на них трудится, – сказал он тете, которая, очевидно, была знакома с Джо Эквортом. – Я встретил его сегодня в «Тублине»...

– А что это ты с утра пораньше делал в «Тублине»? – спросила тетя Хильда. «Тублин» был известным баром-рестораном на Маркет-стрит.

– Рассказывал Джо Экворту про Грегори, – поспешно ответил дядя и снова обратился ко мне. – Завтра идешь в контору на собеседование. Джо говорит, что это вообще-то не его дело, он закупщик, но все будет хорошо. Я ему сказал, что ты немного знаешь французский и немецкий, Грег. И что тебе очень хочется освоить профессию. Джо пообещал замолвить словечко. Он завтра будет в конторе, но тебе надо спросить мистера Элингтона, это твой будущий начальник. Я про него слышал, хотя лично не знаком. Он не местный, из Лондона приехал.

– Элингтон? – Моя тетя принялась рыться в обширных кладовых своей памяти. – Кажется, миссис Рэнкин знакома с этой семьей. Они живут за кладбищем, со стороны Уэбливуд. Помню, миссис Рэнкин рассказывала, как миссис Элингтон натерпелась горя с одним из детей – ребенок чуть не умер от аппендицита. – Тетя повернулась ко мне: – Надень завтра свой синий костюмчик, хорошо?

– Да он в любой одежде будет выглядеть лучше Джо Экворта, – сказал дядя.

– Ну что же ты, Майлс! Наш Грегори не Джо Экворт, он должен выглядеть опрятно и произвести хорошее впечатление. Это уже половина дела! – заявила тетя, ни разу в жизни не бывавшая в конторе фирмы, торгующей шерстью. – Тем более мистер Элингтон не местный, наверняка какой-нибудь лондонский щеголь, разряженный в пух и прах. – Тете Хильде, как

и большинству браддерсфордцев тех лет, казалось, что в Лондоне живут сплошные денди и распутники.

Итак, на следующее утро я сел в трамвай и отправился в город, сам разряженный в пух и прах: на мне был мой лучший синий костюм, высокий накрахмаленный воротничок и черный вязаный галстук – из тех, что пользовались страшной популярностью в те годы, а сегодня их нигде не увидишь. От Смитсон-сквер я пошел вниз по Кэнэл-стрит – короткой улице, бегущей промеж высоких каменных складов, похожих на черные крепости, – и оказался в незнакомом мне квартале: между закопченной громадой Мидлэндского вокзала и жирным гороховым супом канала. Копыта огромных ломовых лошадей вышибали искры из мостовой. Всюду сновали мужчины в матерчатых кепках и клетчатых рабочих комбинезонах либо в фартуках, которые местные называют передниками. И еще этот квартал очень дурно пах; особенно отталкивающий смрад шел от кожевни.

Контора «Хавеса и компании» находилась на первом этаже мрачного темного здания. Немного помедлив, я постучал в маленькое закопченное окошко под надписью «Справочная». Оно тут же распахнулось, и в нем возник рыжий веснушчатый подросток лет пятнадцати. Я представился ему и объяснил, зачем пришел. Откуда-то изнутри тут же раздался оглушительный злой голос, который с ярко выраженным йоркширским акцентом произнес:

– Пусть идет ко мне!

Мальчишка открыл дверь и впахнул меня в длинную узкую комнату. Вдоль стены с окнами помещалась длинная стойка, а противоположная стена была до потолка заставлена корзинами и коробками с образцами шерсти, завернутыми в голубую бумагу. К стойке привалился крепкий человек средних лет с широким грубым лицом, на котором тоже были передник и старая матерчатая кепка – совсем крошечная и оттого делавшая его похожим на комедианта. Человек посасывал пустую трубку, кряхтел, страшно хмурился и всем своим видом напоминал разъяренного кабана.

– Вот он, мистер Экворт, – сказал мальчишка.

– Знаю! – проорал мистер Экворт. – А теперь бегом в испытательный центр, живо, живо!

Мальчишка, чьи рыжие волосы и веснушки в этом свете горели еще ярче, ничуть не испугался этого оглушительного крика. Он кивнул, весело улыбнулся, сорвал с себя передник, бросил его на крючок у двери и, посвистывая, удалился.

Мистер Экворт хорошенько ко мне пригляделся, а я, помню, мгновенно почувствовал себя болваном: угораздило же меня так вырядиться!

– Ты тот самый малый, о котором вчера толковал старый Майлс Лофтхаус? – закричал мистер Экворт. – Как бишь тебя? Запомнятовал!

– Грегори Доусон, – ответил я, напуская на себя беспечный вид.

– А, ну да, ну да. Как я мог забыть? – Он перестал кричать и перешел на невнятное бормотание. – Знавал я твою матушку. Мы с ней вместе пели в Конгрегационалистском хоре Парксайда лет двадцать пять назад, когда я был еще молод и сдуру решил, что умею петь. Худшего тенора этот хор еще не видал, ты уж мне поверь. Она вышла замуж за малого по имени Доусон и упорхнула с ним в Индию, так было дело? – Он снова окинул меня внимательным взглядом. – А ты, что ли, франт?

Тут я рискнул и улыбнулся:

– Нисколько. Это тетя меня заставила надеть все самое лучшее.

– Так и подумал. – Мистер Экворт издал что-то вроде сдавленного смешка. – Мы с ней знакомы. Она из очень благовоспитанной семьи. Для некоторых ее родственников эта благовоспитанность оказалась несовместима с жизнью. В нашем деле что-нибудь смыслишь?

Я честно признался, что нет.

– Не беда. Я еще и не таких малых на бирже встречал: должности ого какие, а в шерсти разбираются не лучше, чем я в женином рукоделье. Ну, говори, что это? – Мистер Экворт

грохнул кулаком по стойке, подняв облачко пыли, взял голубой сверток и, развернув, показал мне.

– Немытая шерсть, насколько я понимаю.

– Неправильно понимаешь! – проорал мистер Экворт и вытряхнул содержимое свертка на стойку. – Это верблюжья шерсть, со всей положенной мерзостью. – Он показал пальцем на грязь и кусочки засохшего навоза. – Она приехала сюда напрямик из какой-нибудь пустыни, так что присмотрись к ней хорошенько. Ты небось думал, что в Браддерсфорде одни темные неучи да простачи живут, так вот знай: мы бываем во всех частях света, и все части света бывают здесь. Заруби это себе на носу, малый.

Тут его позвали к телефону, который висел рядом с дверью. По телефону мистер Экворт разговаривал еще более грубо и без обиняков.

– Ты своему Бутроиду скажи, чтоб не наглед! – закричал он в трубку. – Цену свою мы назвали, и сверх того он ни пенни не получит! Слышал я эти байки да не раз. Стоит вам товаром разжиться, так сразу песню заводите: кроссбредная, мол, дорожает... Хватит! Или я беру шерсть, как договаривались, или ищите себе другого покупателя, мне плевать! – Он с грохотом водрузил трубку на место и с улыбкой повернулся ко мне. – Поднять цену вздумали. Ох уж этот Бутройд! К обеду они примут мое предложение, вот увидишь. Ладно, попробуй завернуть этот образец.

С первым заданием я справился хуже некуда – боялся испачкать костюм, да к тому же шерсть и грязь не желали помещаться в жалкий огрызок бумаги. Однако моя неудача как будто пришлась мистеру Экворту по душе.

– Да не так надо! – проорал он и оттолкнул меня в сторону. – Вот гляди, малый. Как следует все уминаешь, потом заворачиваешь. Смотри и учись, тебе этим делом часто придется заниматься, если будешь со мной работать. И вот еще что. Мистер Элингтон может дать тебе должность в конторе, а юного Эллиса назначить мне в помощники, но я бы на твоём месте остался здесь: со мной уму-разуму быстро научишься.

Я сказал, что для этого и пришел.

– Ага, – кивнул он без намека на одобрение, – уж наверняка. Однако работу тебе еще не дали, учти. Решение принимаю не я, я могу только словечко замолвить. Главный у нас мистер Элингтон, повидайся сперва с ним.

– Мне так и сказали. Он сейчас у себя?

– Да, но пока занят. Мы вообще-то делом занимаемся, а не только языками треплем. Погоди, я схожу гляну.

Мистер Экворт вышел в другую дверь, которая вела, по всей видимости, в контору: оттуда донесся стрекот пишущей машинки и чей-то голос, разговаривающий по телефону. Минутой позже донесся вопль мистера Экворта: он приглашал меня войти. Я очутился в сравнительно небольшом кабинете на несколько человек, с высокими бюро и длинноногими табуретами, словно сошедшими со страниц диккенсовских романов. Чувствуя себя почти Николасом Никльби, я прошел контору насквозь и встал рядом с мистером Эквортом в дверях личного кабинета мистера Элингтона.

– Вот он, – объявил мистер Экворт. – Грегори Доусон. Я знаком с его дядей, а раньше знал и матушку. По-моему, славный и разумный малый. – С этими словами он вышел вон, оставив меня наедине с мистером Элингоном.

– Здравствуйте! – с улыбкой произнес тот. – Присаживайтесь и минутку подождите, хорошо? – Он начал подписывать какие-то письма.

Задержи мистер Элингтон взгляд на две-три секунды, он, пожалуй, счел бы меня полумумным. Я глядел на него с разинутым ртом. Меня, как любили говорить в Браддерсфорде, точно обухом по голове огрели. Если бы за дверью очутился царь Приам или колдун Мерлин,

я бы вряд ли удивился сильнее. Мистер Элингтон оказался тем самым высоким темноволосым отцом волшебного семейства из трамвая.

Он поднял голову, и его овальное, довольно морщинистое лицо расплылось в улыбке.

– Не первый раз меня видите?

– Д-да, сэр, – выдавил я.

– У вас на лице написано. – Он вновь широко улыбнулся, показывая, что ничего страшного в этом нет. – Я уже почти закончил.

Я бы скорее принял его за доброго и веселого школьного учителя, нежели за серьезного коммерсанта. Залысины, обрамленные густыми курчавыми волосами, похожими на стружку темного олова, придавали ему сходство с высоколобым профессором. У него были густые брови и довольно глубоко посаженные глаза зеленовато-коричневого цвета, которые то и дело чудесно вспыхивали. (Наверняка он приходится отцом той девушке с горящим взором зеленых глаз.) Нос был небольшой, а верхняя губа и длинный узкий подбородок придавали лицу комичную вытянутость. Было в его внешности что-то от актера – что-то драматично-шекспирово-бен-соновское – и одновременно от учителя. А может, немного и от поэта или художника? Он был одет в старый твидовый пиджак, серую шерстяную рубашку и вылинявший зеленый галстук из поплина. Словом, ни намек на щегольской синий костюм или высокий воротник. Мне тут же захотелось сказать, что и я не имею обыкновения так одеваться.

– Так где мы встречались? – спросил он, по всей видимости, закончив с письмами.

Я немного колебался и ответил, что видел его в трамвае на Уэбли-роуд.

– Мы кого хочешь заболтаем, правда? Мои родные часто ведут себя так, словно им принадлежат все на свете трамваи, особенно сын и младшая дочь.

– Которая с зелеными глазами и всегда чем-то взволнована?

Мистер Элингтон рассмеялся:

– Это Бриджит. А вы наблюдательны, Доусон.

– Я не мог не заметить этих девушек, сэр. Две другие тоже красавицы, одна брюнетка, одна блондинка.

– Ну, к вашему сведению, брюнетку зовут Джоан, а блондинку – Ева. – Тут он умолк, перестал улыбаться и нахмурил густые брови, чем на секунду меня встревожил. Но потом я заметил, что строгость эта наигранная. – Послушайте, молодой человек, я вас пригласил не затем, чтобы о моей семье поболтать. Если вы желаете работать на нас, то будьте добры ответить на несколько вопросов, ясно? Впрочем, вы тоже наверняка хотите о многом расспросить. Итак, посмотрим...

Следующие несколько минут я рассказывал ему о себе. Преодолев первое потрясение и робость, я обнаружил, что с мистером Элингтоном очень легко и приятно беседовать. Он не ждал почтительного обращения, не выставлялся и не вел себя покровительственно, и это сразу мне понравилось. Убедившись, что считать я умею, он попросил меня немного попереводить с французского, затем я кое-как объяснился с ним по-немецки. Все прошло как нельзя лучше.

– Что ж, Доусон, – задумчиво глядя на меня, сказал мистер Элингтон, – можешь приступать к работе, как только захочешь. Платить будем фунт в неделю – больше ты на первых порах нигде и не заработаешь. Можешь начать в конторе, а можешь помогать мистеру Экварту с образцами. Ему нужен помощник, а Эллис, сдается, предпочел бы работать в конторе. Вы с мистером Эквортом уже познакомились, он наш закупщик – и весьма дельный. Как тебе кажется, вы смогли бы найти общий язык?

Я честно ответил, что смог бы, поскольку разгадал за громким голосом и скверным нравом мистера Экворта лишь игру в колоритного браддерсфордца.

– Значит, ты умнее юного Эллиса, – с улыбкой произнес мистер Элингтон. – С мистером Эквортом ты многому научишься, да с ним и куда интереснее. Однако трудиться будешь не покладая рук, Доусон. Как тебя зовут? Грегори? Работа грязная, так что обзаведись парой

комбинезонов и фартуков – передников. Открываемся мы в девять утра. Твое место, стало быть, в комнате для образцов.

Напоследок мистер Элингтон задал мне еще один вопрос:

– Кстати, Грегори, интересы у тебя есть? Хобби, увлечения?

– Ну, я пытаюсь немножко писать...

– Стихи или прозу?

– И то и другое. Еще я много читаю, люблю гулять, слушать музыку...

Он просиял:

– Молодец, молодец! Я тоже все это люблю, разве что писать не пытаюсь – давно поставил на этом крест. Думаю, мы поладим. Твой предшественник, который уволился пару недель назад, ничем не интересовался, кроме марок. Глупое стариковское увлечение – меня это всегда беспокоило. А теперь ступай, Грегори, и передай мистеру Экварту, что у него появился помощник.

Не знаю, удалось бы мне вспомнить, что я тогда сказал мистеру Экварту и каков был его ответ (что куда интересней), но ровно в ту секунду, когда я возвращался из конторы в комнату для образцов, тридцать с лишним лет спустя в моем номере гостиницы «Ройял оушен» зазвонил телефон. Это был Brent, разумеется.

– Как дела, Грег? – спросил он.

Я ответил, что очень продуктивно поработал сегодня и не вижу причин, почему бы не повторить успех завтра.

– Не повторишь, – сухо произнес он. – Сегодня прилетела Элизабет – на две недели раньше условленного. – Brent имел в виду Элизабет Эрл, голливудскую звезду первой величины, которую мы пригласили сниматься в «Леди наносит ответный удар». – Она хотела поговорить с тобой по телефону – мол, вы давние друзья, – но я велел ей укладываться спать, после перелета она немного не в своей тарелке. Суть не в этом. Завтра она придет к тебе в гости. Говорит, хочет прочесть сценарий и не светиться пока в городе. Я занят по горло, так что с ней придет Адонай, ему как раз на месте не сидится, бродит всюду как неприкаянный. И Джейка я отправлю с ними. – Джейк был рекламный агент. – Они прибудут к чаю, номера уже забронированы, поэтому тебе ничего делать не надо. Если ты и впрямь такой душка, как говорит Элизабет, просто ублажай ее и не расстраивай. Она немного не в себе из-за перелета, конечно. Проблем с ней быть не должно. Но у меня есть подозрение, что она с Адонаем не поладит.

– Мне тоже так кажется. Лучше бы они ненавидели друг друга в Лондоне. Лучше бы сюда вообще никто не приезжал. Впрочем, как я понимаю, этому уже нельзя помешать.

– Даже не пытайся, – сказал Brent. – Чем ты там занимаешься? Пьешь? Думаешь? Или и то и другое?

– Просто думаю. О своем прошлом.

– А Элизабет в этом прошлом есть? Судя по ее тону, да.

– Нет, разумеется. В те времена, которые я сейчас вспоминал, она еще пешком под стол ходила. Я думал о довоенной поре. О 1912 году, если точнее. Я ведь уже старик, Brent.

– Завтра вечером ты будешь другого мнения. – Он хохотнул. – погоди, пока не увидишь Элизабет. Она, конечно, не в моем вкусе, но посмотреть на нее приятно. Ну, бывай! Ее душевное спокойствие на твоей совести.

На минуту-другую меня одолели одиночество и печаль, как бывает после междугороднего звонка от давнего приятеля. Хотя было уже поздно, мне захотелось одеться и пропустить рюмочку в баре, заодно и поболтать с кем-нибудь. Я поборол это желание, занявшись делом: прочистил трубку и открыл новую жестянку табака (одна из маленьких радостей моей жизни). Затем я вернулся в кресло, выбросил из головы все мысли об Элизабет Эрл, Георге Адонае и завтрашнем дне; поплутав несколько минут в воспоминаниях, я вновь очутился в довоенном Брайерсфорде.

Глава третья

Когда начинаешь усердно что-нибудь вспоминать, удивительно, сколько всплывает подробностей – подчас самых мелких и ничтожных. Но разумеется, все вспомнить нельзя. Например, в моей памяти сохранилось, что рыжеволосого мальчишку из конторы звали Бернард (менее подходящее имя при всем желании не придумаешь), а вот его фамилию я начисто забыл. То же самое с пухлой белокурой машинисткой в очках, часто запотевавших от слез, которая состояла в долгой безотрадной помолвке с учителем физики из Векфилда: помню лишь, что ее звали Берта. Кроме них, в «Хавесе и компании» работали только два человека: Гарольд Эллис, всего на год или два старше меня, и кассир Крокстон. Эллис, вероятно, жил полной и увлекательной жизнью за пределами конторы (насколько я знаю, его высоко ценили в местных фотографических кругах), но на работе он был настолько тускл и невыразителен, что казался ненастоящим. Зато очень даже настоящим был Крокстон, и я его недолюбливал. Холостяк средних лет, опрятный и хорошо одетый, с длинным носом и востренькими усами, он усердно пытался избавиться от местного говора, и потому его речь звучала как-то особенно фальшиво. Вообще-то человек он был способный и талантливый, владел многими иностранными языками, и дело у него ладилось, но за фальшивой речью и помпезностью то и дело проскальзывало что-то крысиное и суетливое: спустя тридцать лет такого типа люди неизбежно превращались в коллаборационистов и квислингов. Он невзлюбил меня с первого взгляда, главным образом потому, что его мнения о моей кандидатуре никто не спрашивал. Прирожденный интриган, он решил, что Джо Экворт (которому он всегда завидовал) нанял меня за ним шпионить.

К счастью, мне почти не приходилось бывать в конторе, поскольку большую часть времени я работал с мистером Эквортом. Свободное от упаковывания и доставки образцов время я проводил наверху, на складе, занимавшем всю остальную часть здания. Заправлял складом чудаковатый старик Сэм. В молодости он служил сержантом в армии, побывал и в Африке, и в Индии, где покалечил одну руку и потому всегда ходил в одной перчатке. Странные глаза были воплощением его двойственной натуры: один, неподвижный, смотрел свирепо, по-военному, а другой жил отдельной жизнью, бегал туда-сюда и дружелюбно подмигивал. Когда настроение у старика Сэма менялось, он всегда поворачивался к вам соответствующим глазом. Они с Джо Эквортом часто ссорились и, стоя примерно в ярде друг от друга, грозно орали во всю силу своих легких. Примерно дважды в месяц старик Сэм напивался вдребезг, обычно по пятницам, и на следующее утро приходил поздно, с подбитым глазом или щекой, держался очень холодно и по-военному чопорно. Он был ярым последователем свободомыслия и в обеденное время, сидя в своей грязной каморке, медленно проговаривал излюбленные отрывки из философских произведений. Порой, когда я вместе с ним дожидался какого-нибудь груза, мы вступали в дружеские, но бессмысленные споры о Боге, церквях и церковных лицах. Он нес много вздора – хотя, подозреваю, я тоже. Любимым выражением старика Сэма, которое он употреблял к месту и не к месту, было «это разумно». Его суждения были тем «разумнее», чем сумасброднее. Зато он разделял мою нелюбовь к Крокстону, который постоянно совал свой нос в складские дела; и хотя они с Джо Эквортом регулярно спорили, вскоре я обнаружил, что старик Сэм, как и я, питает к последнему самые теплые чувства.

Изюминка Джо Экворта, к которому я очень быстро проникся, заключалась в его готовности неустанно, днем и ночью играть одну и ту же характерную роль. Такое поведение – в точности до жеста – было свойственно многим браддерсфордским коммерсантам той поры. По долгу службы им приходилось много путешествовать и бывать в самых разных частях света; и вот они решили, что, раз настоящими космополитами им все равно не бывать, надо вести себя как можно более простецки и нарочно утрировать все черты жителей Уэст-Райдинга –

говорить с подчеркнутым акцентом, напускать на себя безразличие и сварливость, делать вид, что их интересуют только деньги, еда, спиртное и толстые сигары. (Уильям Хадсон писал, что один его такой знакомый каждый год ездит в один и тот же лес слушать соловьев.) Именно таким человеком был Джо Экворт. За грозным криком и пустыми угрозами скрывался чувствительный романтик, куда более чуткий, чем жеманный и утонченный Крокстон. Среди прочего он очень любил розы и даже занимался выведением новых сортов, каждый год посылая подборку своих цветов на знаменитую выставку в Солтейре. Как я вскоре с удивлением выяснил, мистер Экворт был человеком начитанным, хорошо разбирался в исторической и классической литературе; именно он дал мне собрание русской прозы в переводах миссис Гарнетт. «Вот будет тебе пища для размышлений, – сказал он. – Эти ребята писали про настоящую жизнь, никаких тебе волшебных сказочек для школьников. Я бывал в России – всего раз, – и вот что я скажу: если они когда-нибудь захотят избавиться от своих великих князей, весь мир вздрогнет. Запомни мои слова». Я запомнил – и в будущем вспоминал его пророчество не раз.

Мистер Элингтон понимал и ценил Джо Экворта, и хотя временами они не сходились во мнении (однажды я стал свидетелем крупной ссоры: мистер Элингтон побелел от гнева, а Джо побагровел от ярости), все же стали отличной командой, в которой каждый знал свое место и предназначение. Экворт – он занимался не только закупками, но и сбытом – никогда не замахивался на самых крупных зарубежных клиентов, считая, что с ними куда лучше справится обходительный мистер Элингтон. Тот, в свою очередь, разумно полагал, что Джо нет равных на местном рынке. Мистер Элингтон часто бывал и в комнате для образцов, и на складе (кроме того, его иногда вызывали в лондонскую штаб-квартиру «Хавеса и компании», а порой он отправлялся в короткие командировки на континент), однако меня постигло разочарование: хотя мы нередко общались, ближе к его волшебному семейству я так и не стал. За пределами конторы я мистера Элингтона никогда не видел, и больше о своих родных он не заговаривал. Все это было вполне понятно и ожидаемо, тем не менее после чудесной встречи с патриархом заветного семейства я надеялся на большее. Вдобавок теперь, когда я видел мистера Элингтона каждый день и был с ним практически на дружеской ноге, они почему-то перестали встречаться мне в трамвае. Я смутно подозревал, что это вина самого мистера Элингтона, что он каким-то образом развеял волшебные чары, и невольно я стал проникаться большим уважением к мистеру Экворту, нежели к нему. Мистер Экворт, впрочем, был очень высокого мнения об Элингтоне – необычайно высокого, если учесть, что последний приехал с предательского и вероломного Юга.

Однако, немного разочарованный и утративший веру в волшебство, я все же потихоньку обживался в Баддерсфорде. Я записался в центральную библиотеку, которая находилась неподалеку от Кэнэл-стрит, и таскал домой увесистые тома Уэллса и Беннетта, Честертона и Шоу, Йейтса и Джорджа Мура – все в одинаковом темном переплете. Я охотился за дешевыми букинистическими изданиями на крытом Большом рынке, питался скудно, но замысловато в восточных кафе с бамбуковой мебелью, вкусно, дешево и обильно на рынке, где, сидя на деревянной лавке, уминал огромные порции картофельно-мясной запеканки, жареного хека или трески. Я ходил на литературные чтения в Баддерсфордском обществе театралов, где завел несколько друзей и испытал первые смутные порывы страсти к хорошенькой школьной учительнице, которая была старше меня на десять лет и даже не догадывалась о моем существовании. Я покупал билеты на ежемесячные концерты музыкального общества в огромном «Глэдстон-холле», где оркестр Халле исполнял для нас Бетховена и Брамса, а также ходил на все нечастые воскресные концерты Баддерсфордского симфонического оркестра – в нем играли две самые нерешительные валторны, какие мне доводилось слышать, столь робкие, сомневающиеся и скорбные, что все слушатели с облегчением выдыхали в конце соло. А порой в компании дяди Майлса (когда тетя Хильда отпускала его из дома) я отправлялся на «ночное» представление в мюзик-холле «Империял», где, сидя на протертых плюшевых сиденьях в бельэтаже

(билет на эти места стоил один шиллинг шесть пенсов), мы слушали Маленького Тича и Джорджа Роби, Весту Тилли и Мэйди Скотт (потрясающе бойких комедианток), Джека и Эвелин (Джек был невероятно талантливый юморист-импровизатор), а также великолепного комика с круглым лицом, невозможными усищами и потешными ужимками – то был Джимми Лирмаут, один из лучших комиков на свете, который много пил и умер молодым. Мы читали в газетах о фантастических гонорах этих звезд (сто фунтов в неделю!), и тогда, конечно, я и подумать не мог, что однажды стану работать с актерами, гонорары которых будут в десять раз больше, а талант – в десять раз меньше. Сомнительное достижение. Вспоминая те водевили и делая скидку на свою юность, а также на заразительный восторг дяди Майлса, я теперь сознаю, что в тех шумных дымных залах с протертым плюшем и тусклой позолотой, скверными оркестрами и разноцветными прожекторами на галерке мы наслаждались восхитительным бабьим летом народного искусства – уникального искусства, полного смака и иронии, душевного подъема и безграничного юмора английских рабочих, трудящихся на фабриках, в литейных цехах и закопченных многолюдных городишках; искусство это успело расцвести и прийти в упадок в течение одного века, но, прежде чем растерять последние жизненные силы, заронило семена теплой человечности по всему темнеющему миру – и отправило безвестного комика Чаплина в Калифорнию, откуда он покорил всю планету.

Обзаведясь работой, домом и приятным досугом, я был более чем доволен своей жизнью. Но именно тогда мне захотелось – и с тех пор хотелось всегда – чуть большего: ощущать прикосновение того чудесного и волшебного, что позволяет забыть об устройстве жизни, о бухгалтерских книгах удовольствия и скуки (все это, полагаю, означает только одно: я по сути своей безнадежный романтик). Куда же пропали заветная компания и таинственный яркий мир, который сулили эти люди? Спокойные туманно-дымные летние утра осыпались мертвыми листьями, и пришла зима: черный дождь падал на Уэбли-роуд, на Кэнэл-стрит и Смитсон-сквер, через которую я часто бегал на почту отправлять образцы, а ясными днями вдалеке виднелись припорошенные снегом горы. В Бригг-Террас начался сезон виста и закупки карточек с прикрепленными к ним карандашами (для игры в «променады»), призов самым лучшим и самым худшим игрокам, а тетя Хильда и ее подруги пекли вкуснейшие фунтовые кексы и пропитанные хересом бисквиты. На воротах церквей появлялись (с каждым годом все раньше) афиши с датами «Мессии» Генделя. Ватный снег и искусственные листья остролиста в витринах уже намекали на приближение Рождества. «Мистер Пафф», автор театральной колонки в «Браддерсфорд ивнинг экспресс», начинал упоминать имена возможных «главных мальчиков» и комиков в ежегодной гранд-пантомиме Королевского театра. И вдруг без всякого предупреждения, словно какой-то полубог дернул за ниточку, началась моя настоящая браддерсфордская история.

Помню ее скромный пролог. Однажды, ближе к концу рабочего дня, когда Бернард – конторский служащий – отправился по делам, а за дверью следить оставили меня, я услышал, как она хлопнула. Я сразу вышел навстречу посетителю, поскольку мы ждали доставки образцов. Но это был не курьер, а девушка – я мгновенно узнал ту самую, из трамвая, которая однажды бросила на меня заинтересованный взгляд: бледное лицо, темные брови и большие серые глаза принадлежали дочери мистера Элингтона по имени Джоан.

– Мой отец... мистер Элингтон у себя? – спросила она, пряча взгляд.

– Э-э... пока нет, – виновато произнес я, словно это была моя вина. – Но должен скоро вернуться, – добавил я, хотя понятия не имел, куда он ушел и скоро ли будет. – Подождете в его кабинете?

Немного помедлив, она ответила, что подождет, и я проводил ее в кабинет мистера Элингтона – хотя дорогу она, конечно, знала. Там Джоан окинула меня внимательным взглядом (серьезный, ровный и открытый, он производил куда большее впечатление, чем ее речь), и я четко помню, как покраснел.

– Вы Грегори Доусон? – спросила она.

В тот миг я испытал абсолютное, кристально-чистое счастье. Я существовал. Мало того, о моем существовании знала волшебная компания. Запинаясь и робея я ответил «да».

– А я Джоан Элингтон, – произнесла она, сверкая спокойными и ясными серыми глазами в обрамлении темных ресниц. – Я пару раз видела вас в трамвае.

– Да. – Я немного помедлил, затем все же набрался храбрости и выпалил: – Я все гадал, кто вы такие. Наверно, вы заметили, как я глазаю...

– Было такое. – Она улыбнулась. – Но я вас понимаю. Мы всегда ужасно шумим.

– Нет, дело не в этом. Вы показались мне... интересными.

Это жалкое слово я почему-то выдал извиняющимся тоном.

– Я неинтересная, – серьезно и без ложной скромности ответила Джоан. – Не очень по крайней мере. А вот остальные – да.

Минуто-другую мы молча размышляли о незаурядной интересности остальных. А потом у меня перехватило дух, потому что Джоан как бы невзначай спросила:

– Папа говорит, вы хотите стать писателем. Что вы пишете?

То, что мистер Элингтон рассказал своей семье о моих интересах, было чудесно. Однако вопрос Джоан застал меня врасплох. В восемнадцать, если ты не гений, ты пишешь все подряд – и ничего. Где-то за углом поджидают эпические поэмы о падении Атлантиды («Вот появится немного свободного времени...»), пьесы в пяти актах, целиком написанные белым стихом, огромные сатирические романы; очень трудно говорить о серьезности своих намерений, когда за душой у тебя лишь несколько заметок да пара чудовищных зачинов. Поэтому я ужасно смутился – наверняка это было написано у меня на лбу – и пробормотал что-то про стихи и эссе.

Заметив мое смущение, Джоан сменила тему:

– Я слышала, вы любите музыку. А на концерты музыкального общества ходите?

Элингтоны и их друзья ходили, но по разным причинам вынуждены были пропустить последние два концерта. Однако в следующую пятницу они непременно пойдут.

– А вы? О, значит, там и увидимся. Мы всегда сидим в первом ряду западной галереи. Папа говорит, оттуда слышно лучше всего.

Мистер Элингтон действительно вернулся очень скоро, и я снова взялся за образцы. Теперь надо было как-то дожить до следующей пятницы. Думаю, уже тогда я понял, что это начало моей истории; по крайней мере я точно создавал, что грядущая пятница покажет, войду я в волшебную компанию или навсегда останусь для них чужаком. Следующие несколько дней я запихивал шерсть в голубую бумагу, писал количество и цены на маленьких скользких карточках, ездил на трамвае и ходил по мокрым улицам – все как во сне.

В плане архитектуры «Глэдстон-холл» – неприметный концертный зал, вмещающий около четырех тысяч человек, – зато акустика там великолепная, особенно на хорах. Билет, который обошелся мне в девять пенсов, давал право прохода в одну из галерей – северную, но не давал права занимать определенное место (этой привилегии удостоивалась лишь почтенная публика западной галереи), поэтому я постарался одним из первых подняться по длинной лестнице, освещенной газовыми светильниками, и занять сиденье в центре первого ряда: оттуда было прекрасно видно первый ряд западной галереи. В тот вечер играл оркестр Халле, и я до сих пор помню программу: прелюдия к третьему акту «Нюрнбергских мейстерзингеров», симфоническая поэма «Дон Кихот» Штрауса и четвертая симфония Брамса. В те дни основное освещение «Глэдстон-холла» было электрическое, но у нас над головами по-прежнему висел огромный газовый канделябр, похожий на рой мерцающих пчел и придававший большому залу уютную золотистую дымчатость, приглушенный октябрьский свет, который навсегда исчез из концертных залов вместе с газовым освещением. Перед тем как гобой жалобно подал ноту для настройки оркестра, я несколько минут глазел через эту золотую дымку на Элингтонов и их компанию в полном составе – настолько обширном, что я не очень понимал, где она начинается

и где заканчивается. Сам мистер Элингтон тоже пришел, а рядом сидела та самая красивая тихая женщина – очевидно, миссис Элингтон.

К яркому созвездию девушек – Джоан, Бриджит (подпрыгивавшей на месте от восторга) и сонной улыбчивой Евы – присоединились две незнакомки. Увидел я и сына мистера Элингтона – неопрятного юношу в твиде – и чернокудрого здоровяка, который мне не нравился, и еще одного человека, которого я раньше встречал на собраниях общества театралов: высокий, костлявый, но могучий мужчина средних лет с проседью и смуглым лицом, всегда выглядевший расслабленным и веселым. Пока компания рассаживалась по местам и готовилась к бою, внизу начали настраиваться музыканты. Брамс, Вагнер и Штраус ждали за кулисами, чтобы своей музыкой усилить волшебство. Джоан заметила меня, узнала и помахала рукой, затем сказала обо мне отцу, который тоже улыбнулся и помахал. Вслед за ним еще несколько человек посмотрели в мою сторону. Я испытал удивительное чувство, знакомое всем детям, редко посещающее молодых людей и почти никогда – взрослых (мужчин по крайней мере): чувство уютного довольства и успокоения от того, что все самые важные на свете люди собрались под одной крышей с тобой. Именно поэтому дети так любят Рождество.

Сперва в воздухе величественно переплетались темы «Мейстерзингеров». Затем огромный сверкающий оркестр Штрауса показал нам мельницы, овец и сбитого с толку Санчо, если не душу самого Дон Кихота; впрочем, я был слишком увлечен человеком с ветродувом и почти не обращал внимания на музыку. Наступил антракт, и, поскольку в зале курить не разрешалось, мужчины и оркестранты вышли с трубками в коридор. Сквозь голубой дым за западной галереей я увидел выразительное лицо мистера Элингтона.

– Здравствуй, Грегори! Ну как, нравится тебе музыка? Оливер, познакомься, это Грегори Доусон, мы вместе работаем. Оливер только что вернулся домой из Кембриджа.

Оливером, понятное дело, оказался юнец в твиде, пыхающий огромной вишневой трубкой. Да еще этот Кембридж!.. Я был глубоко впечатлен и совсем оробел. К счастью, Оливер светился восторгом и без умолку тараторил, как и положено студентам.

– Я слышал, как Штрауса играет Никиш! – воскликнул он. – Куда лучше! Вот у кого есть запал! Вот это я понимаю блеск и размах! Дьявольщина! Дьявольщина прет у Никиша из ушей. Но сейчас, друзья, мне не терпится услышать Брамса. Ах, это скерцо! Там-там-там-там-да! Сказка! Шлямпумпиттер!

Последнее слово он практически проорал.

– Что? – крикнул я в ответ, смущенный и напуганный.

– Все это! Шлямпумпиттер!

– Не обращай внимания, Грегори, – сказал его отец. – Это ничего не значит. Очередная его выдумка. Познакомься, это Бен Керри, а это Джок Барнистон.

Бен Керри был тот самый чернокудрый здоровяк: лишь сегодня я заметил его мрачную жгучую красоту, от которой сходят с ума женщины, но которая не понравилась мне тогда и не нравится по сей день. Джок Барнистон был могучий, жилистый и жизнерадостный человек. Он ничего мне не сказал, только дружески подмигнул. Керри в принципе тоже вел себя дружелюбно, однако в его обществе я все равно почувствовал себя ничтожеством. Он мгновенно вернул меня на землю.

Мистер Элингтон тут же вознес меня обратно на седьмое небо.

– Так-так, Грегори, а ты ведь живешь в нашей части света, не правда ли? Тогда приглашаю тебя после концерта на кофе с кексом. Закончится он не очень поздно, и мы любим перемешивать музыку в компании.

– Кекс неплох, – сказал Оливер, – даже очень хорош. А вот кофе – редкостная дрянь, предупреждаю. Они просто не умеют его варить. Одна вода, да и только!

– Это потому что ночью мы хотим спать, – объяснил его отец. – По крайней мере я хочу, а уж как ты – не знаю. Здесь тебе не Кембридж. И завтра нам на работу, верно, Грегори?

- Оркестр вернулся, – объявил Керри и зашагал прочь.
- Встретимся в трамвае, мистер Элингтон! – воскликнул я.
- Я тебя найду! – прокричал Оливер. – Шлямпумпиттер!

Едва я успел вернуться на свое место, как зазвучали первые такты Брамса: струнные перекликались дивными короткими фразами, точно неземные голоса в странном доме. Однако в тот вечер я едва ли оценил по заслугам прекрасную игру оркестра, ведь мне не терпелось сесть в трамвай и первый раз в жизни поехать вместе с волшебной компанией. Концерт действительно закончился не поздно: в те дни концерты начинались рано, и полдевятого мы все стояли на Смитсон-сквер в ожидании трамвая. Меня уже представили Бриджит и Еве, а кроме того, я узнал, что красивая спокойная дама – в самом деле их мать, миссис Элингтон. Керри, Барнистон и две незнакомые девушки тоже поехали с нами, и я сидел в нескольких рядах от остальных с Джоком Барнистоном. Буквально в первые же минуты нашей поездки – когда трамвай еще не выехал на Уэбли-роуд, – я понял, что выражение расслабленного веселья на его лице вызвано отнюдь не высокомерием или надменностью. Я и сегодня благодарю счастливый случай за то, что в тот вечер оказался в трамвае рядом с Джоком. Намного старше меня – ему было лет сорок, – он общался со мной на равных: заинтересованно расспрашивал обо всем подряд и пытался успокоить, догадавшись, что я взволнован и смущен. Поскольку дорога занимала около получаса, я тоже успел задать Джоку несколько вопросов. Например, я узнал, что зеленоглазая Бриджит серьезно занимается скрипкой и две другие девушки – ее подруги с музыкальных классов, а Бен Керри, талантливый молодой автор «Браддерсфорд ивингс экспресс», которому самое место на Флит-стрит, практически обручен с Евой Элингтон. Еще Джек сказал, чтобы я не боялся миссис Элингтон: людям незнающим она часто кажется неприступной, но это лишь потому, что по натуре она застенчива и сдержанна – в отличие от всей ее семьи – и часто уходит в себя, не умея и не желая растративать силы попусту. Здесь я должен прерваться и рассказать о Джеке Барнистоне, хотя это и прервет нить моего повествования. Он был из тех редких людей – за всю жизнь мы, как правило, почти таких не встречаем, – которые не делают ничего выдающегося, не пытаются привлечь внимание, довольствуются малым, однако всегда оставляют впечатление честности и порядочности, огромных неиспользованных сил, небрежно завуалированного величия. В Индии Джека Барнистона наверняка бы приняли за адепта карма-йоги, который, вероятно, с легким сердцем отдыхает между двумя блистательными инкарнациями. В его образе жизни не было ничего экстравагантного: соучредитель небольшого агентства недвижимости, он жил со старшей сестрой скромным холостяцким бытом; у него было много друзей, но ни одной любовницы; никаких признаков эмоциональной привязанности к знакомым или приятелям он тоже не проявлял.

Однажды во время забастовки – за год или два до моего приезда в Браддерсфорд – он произнес самую прочувствованную и красивую речь, какую горожанам только приходилось слышать. А судя по нескольким письмам, опубликованным в местной прессе, из него мог бы получиться первоклассный журналист. Он отказывался лезть в политику и никогда не принимал заманчивых предложений, зато всегда с готовностью помогал людям, попавшим в беду. В случае чего вы всегда знали, к кому можно обратиться за помощью. При этом он всегда оставался спокойным, веселым и дружелюбным: доброжелатель, посланный к нам из другого, лучшего, мира. Его жизнь не поддавалась никаким разумным объяснениям, и, хотя я всегда вспоминаю о нем с теплом, Джек остается для меня загадкой. В августе 1914-го он записался добровольцем в местный территориальный батальон и капралом (он настоял на том, чтобы остаться капралом) ушел на войну, где ходил по окопам, точно они были продолжением Маркет-стрит, и погиб в битве на Сомме в 1916-м. Посмертно его наградили крестом Виктории, но даже это показалось солдатам его батальона недостаточным знаком признания. Возможно, в тот декабрьский день 1912-го, когда мы разговаривали с ним в трамвае, Джек уже знал, что очень скоро телесная оболочка, которую он надел, как пальто, чтобы пожить среди нас, превра-

тится в кровавые куски мяса; и это знание делало его еще более спокойным и веселым. Человек-загадка, переодетый король, Джок Барнистон словно бы прилетел к нам с далекой планеты, чтобы выпить кофе и пива, выкурить трубку, выслушать наши жалобы и сгинуть в кровавой резне Первой мировой, а потом весело отчитаться о жизни на Земле руководству какой-нибудь планеты за пределами Солнечной системы. Тут я строго приказываю себе не выдумывать, но все же Джок с его странной отрешенностью, чувством собственного достоинства, скрытого величия и могущества, по общему мнению всех его знакомых, действительно был загадкой. Вот такой человек оплатил мою первую поездку на трамвае в гости к Элингтонам.

Хотя к дому мы подошли уже в темноте, я сразу узнал квадратный особняк: во время поисков волшебной компании я не раз проходил мимо него. Это открытие, которое должно было вызвать лишь радость, пробудило во мне чувство утраты: я потерял того себя, что два или три месяца назад бродил, неприкаянный, по этим переулкам. Именно он должен был сейчас войти в эти каменные ворота. Но я теперешний тоже был вполне взволнован и счастлив. Дом, конечно, был гораздо больше нашего в Бригг-Террас, и атмосфера в нем стояла иная. Куда менее прибранный и вовсе не безупречный, он сразу производил впечатление уютного обиталища беззаботных по большей части молодых людей, и дома, в котором всегда бывают гости. Пусть здесь не придавали большого значения некоторым мелочам, ты сразу понимал, что это не просто здание, а дом – и отнюдь не только для тех, кто в нем живет. Я не мог знать, что случится со мной в этом доме; возможно, уже через час я буду разбит и подавлен; но почему-то я чувствовал, что стану здесь частым гостем, таким же частым, как те девушки, Бен Керри и Джок Барнистон. Помимо ощущения новизны и радости, во мне поселилась странная вера, что я наконец попал туда, где мне самое место.

Мы вошли в большую комнату слева от передней – здесь стоял рояль, битком забитые книжные шкафы и несколько разрозненных предметов мебели, которыми давно и часто пользовались. У камина сидел и читал книгу мальчик лет четырнадцати. То был самый юный Элингтон – Дэвид. Волосы у него были, как у отца, а глаза, большие и сияющие – как у матери. Вел он себя вовсе не как застенчивый школьник: четко выражал свои мысли, как будто уже составил собственное мнение практически по всем вопросам; может показаться, что он был несносным подростком, но нет, ничего подобного. Мне он сразу понравился, хотя я и не мог объяснить чем.

– Вы тоже были на концерте? – спросил меня Дэвид.

– Да. А ты не пошел?

– Не пошел. Мне эти концерты не нравятся, уж очень много шума и суеты. Сначала оркестр гремит, потом слушатели хлопают как сумасшедшие, так и оглохнуть недолго. Я читаю книжку по астрономии. Вы что-нибудь понимаете в астрономии?

– Не особенно. Помню, я брался за подобные книжки с большим увлечением, но, как только начинались всякие научные подробности, быстро терял интерес.

Он кивнул:

– Этот автор считает, что жизнь есть только на Земле. Глупости! Наверняка существа на других планетах тоже спорят, есть ли жизнь на нашей. Вам нравится Герберт Уэллс?

Я честно ответил, что да. Он и сейчас мне нравится.

– Мне тоже. Его вещи про любовь, политику и всякое такое мне не очень по душе, а вот другие... Бриджит говорит, они страшные. Мол, на самом деле Уэллс на стороне инопланетян и предпочел бы жить среди чудищ на Марсе или на Луне, чем среди обыкновенных людей. Но я с ней не согласен. Просто у него немного скверный нрав, вот и все. Ему бы немного успокоиться и стать терпимее. – Дэвид посмотрел на меня взглядом юного мандарина. – Чем вы занимаетесь?

Я сказал, что с недавних пор работаю на его отца в «Хавесе и компании».

– Папа считает, что я тоже должен со временем заняться торговлей шерстью. Он не очень настаивает – не то что строгие отцы во всяких поучительных романах, – но ему это кажется хорошей идеей. Тем более Оливер наотрез отказывается иметь дело с торговлей. Он вообще не любит работать от звонка до звонка. Ему проще вкалывать днями и ночами, а потом несколько недель бить баклуши: торговля такого отношения не терпит, верно? Я сам не такой, но мне неинтересно просто покупать и продавать: по-моему, это бессмысленная трата времени. – Дэвид понизил голос: – Папа на самом деле тоже так думает, просто не признается.

– Хотите кекс? – К нам подошла Джоан Элингтон. Она улыбнулась мне как старому другу. – Тебе пора спать, Дэвид.

– Верно. Вот сейчас поем кекс и пойду. – Он посмотрел на меня. – А вы ступайте к остальным и поболтайте с ними. Предупреждаю, подруги Бриджит ужасно глупые, особенно толстая брюнетка.

Он имел в виду Дороти Соули, и несколько минут спустя, обменявшись с ней парой фраз, я уже был готов согласиться с Дэвидом. Толстой она не была, скорее пухленькой, с круглым румяным лицом и полными влажными губами. Бриджит пригласила ее, потому что она хорошо играла на виолончели. Есть на свете люди, которым до конца жизни суждено оставаться грубо гогочущими и неприлично глазающими селянами. Дороти Соули показалась мне именно такой. Что-то во мне (я так и не понял, что именно) заставляло ее хихикать; она делала это постоянно и, наверное, хихикает по сей день, когда меня вспоминает. Вторая девушка по имени Уилсон была маленькой, хорошенькой и очень серьезной. Она играла на фортепиано, однако у Элингтонов ей блеснуть не удалось: мистер Элингтон сам любил поиграть и делал это с большим воодушевлением, хотя и несколько небрежно. Я побеседовал с обеими девушками, а потом подали кофе, и в гостиную вошли миссис Элингтон, Ева и Бриджит.

Если бы Джок не предупредил меня о миссис Элингтон, я бы точно решил, что не нравлюсь ей, постарался уйти пораньше и никогда не вернулся. Ее красота словно была покрыта тонким слоем льда, и кроткая равнодушная улыбка ничуть не спасала положение; говорила она тоже холодно и четко выражала мысли, почти как Дэвид, только это производило куда более пугающее впечатление, ведь она была взрослой женщиной и хозяйкой дома.

– Муж о вас рассказывал, – сказала она, передавая мне кофе. – Ему интересны все сотрудники конторы. Да и дети постоянно его расспрашивают. Вам нравится Браддерсфорд?

Я ответил, что нравится, но я еще мало кого знаю. Боюсь, по моему тону она решила, что я очень высокого мнения о собственной персоне и весь Браддерсфорд придет от меня в восторг, когда узнает. По крайней мере ее улыбка предполагала что-то в этом роде.

– Поначалу мне не очень здесь нравилось, – сказал я. – Люди казались холодными, грубыми и сварливыми. Теперь все иначе.

– Вам не дали сахару. Ева, принеси сахар.

Так я оказался лицом к лицу с Евой, которая принесла сахар и вместе с ним – свою сногшибательную красоту, похожую на глазированную сливу. Дома она была все тем же золотисто-пушистым улыбчивым созданием, что и в трамвае: обстановка никак не отражалась на Еве Элингтон, чего нельзя было сказать о Бриджит, которая в одном месте выглядела почти дурнушкой, а в другом – ослепительной красавицей. Ева словно бы жила в прозрачном конверте, оберегающем ее от внешних погодных условий и влияний, и в этом конверте всегда царил яркий сонный полдень. Впрочем, позже мы убедились, что конверт этот подвержен разрушению; уже тогда, с первого потрясенного взгляда на волшебную сияющую красоту Евы, я как будто угадал за безоблачным голубым взором, гладким лбом, улыбающимися губами и томным голосом слишком слабый дух, слишком пассивный – то, что мы теперь называем поражением. Младшая Бриджит была совсем другой: юной и воинственной.

– Вы поете или играете? – спросила меня Ева.

– Почти нет, – ответил я, твердо убежденный, что никакое мое занятие не в состоянии ее заинтересовать. – А вы?

Если бы она отвернулась, не ответив, я бы даже не удивился.

Но Ева ответила:

– Немножко пою, правда, получается у меня не очень хорошо. Верно, Бриджит?

– Верно, – вполне серьезно ответила ее сестра, переводя взгляд на меня.

Глаза у нее в самом деле были зеленые даже вблизи. Чуть младше меня – буквально на несколько месяцев, она, неудержимо искренняя, прямолинейная и бойкая, вела себя почти как ребенок. Попав в поле ее зрения, вы немедленно начинали склоняться к абсолютной честности, без всяких «взрослых» любезностей и обиняков. Я почувствовал это сразу же и был не менее потрясен, смущен и раздавлен, чем минуту назад с Евой. Между двумя этими девушками я ощутил себя заикой и убогим карликом.

– Вы пишете, не так ли? – перехватила меня Бриджит. – А чтения устраиваете?

– Нет, – пробормотал я. – Пока не устраивал.

Наверно, в этом доме писатели постоянно читали свои произведения. Бен Керри мог начать в любую минуту. Поэтому тон у меня был извиняющийся.

– Сомнительное удовольствие, – произнесла Бриджит.

Ева рассмеялась медленным ленивым смехом из другого мира, из далекой страны спелой кукурузы, извилистых рек и теплого солнца. Бриджит пропустила его мимо ушей.

– Вам может показаться, что я несправедлива, – продолжала Бриджит, пристально глядя на меня, – потому что меня саму хлебом не корми, дай поиграть на скрипке. Но это совсем другое.

– А вот и нет, милая моя, – сказала Ева.

– Да, другое. Чьи-то сочинения играть не так стыдно, – тараторила Бриджит, обращаясь главным образом ко мне. – Я и сама люблю почитать стихи или рассказы знакомых, но избавьте меня от прилюдных чтений! Ужасно глупо выглядит и звучит. Мне становится неловко за человека, потом я начинаю злиться... Сплошное расстройство! Я вас предупредила, Грегори Доусон.

Я ответил, что не нуждаюсь в предупреждениях.

– И вообще, – добавил я, немного расхрабравшись от упоминания моего имени. – Я и не хочу, чтобы про меня думали, будто я писатель. Я еще толком и не начал писать. Ваш отец просто спросил меня об увлечениях, вот я и ответил. Не переживайте, я вам ничего читать не буду.

Тон у меня, вероятно, был почти оскорбленный, и я уже забыл, как обрадовался, что мистер Элингтон рассказал семье о моем хобби.

– Ладно, не злитесь, – сказала Бриджит.

– Ты первая начала, – произнесла Ева.

– Не будь такой занудой! – воскликнула Бриджит, повернувшись к сестре. – И вообще, Ева, ты последнее время ужасно важничаешь. – Она кивнула мне. – Не позволяйте ей важничать. Взяла такую моду недавно!.. Съешьте-ка еще кекса. – Она обернулась и крикнула, чтобы нам принесли кекс.

Оливер, беседовавший с Керри и Джоком Барнистоном, подошел и предложил нам по куску отличного толстого кекса, промазанного кремом и вареньем.

– Самое лучшее здесь – это кексы. Говорят, оркестр Халле лучше Лондонского симфонического, но нет, и лучше бывает. Кекс, мягкий и сочный кекс! – проорал он и взмахнул другой рукой, в которой держал огромную вишневую трубку. Из нее вырвалось облако пепла.

– Осторожнее, идиот! – воскликнула Бриджит. – Ну, что там с песнями?

– Вот проклятие, забыл! Ходил-ходил по своей комнате, думал-думал, зачем пришел... Решил, что надо в стирку вещи собрать, а оказывается, песни! Пе-е-есни! – пропел Оливер.

– Доддерит, – свирепо проговорила Бриджит.

– Мамбоди! – скорбно прокричал Оливер, закрыл глаза и склонил голову. Затем он преподал мне остатки кекса, вновь опасно взмахнул трубкой, широко улыбнулся и вскричал: – Ну да, песни! Шлямпумпиттер! – И тут же унесся.

– Ничего не понял, – признался я.

Ева улыбнулась.

– Объясни ему, – сказала она подошедшей Джоан, а сама поплыла, улыбаясь, к Бену Керри. Увидев ее, тот сразу просиял.

– У Оливера и Бриджит свой язык, – объяснила мне Джоан, пока ее младшая сестра жадно поела огромный кусок кекса. – И свои ритуалы. Правда, большую их часть они давно забросили. Что они сейчас делали?

– Оливер забыл взять ноты, – сказала Бриджит.

– Тогда, наверное, он говорил про Доддерит и Мамбоди, – догадалась Джоан. – Эти словечки еще ничего, довольно подходящие, я иногда сама ими пользуюсь.

– Хотя тебе никто не разрешал, – пробубнила Бриджит с набитым ртом.

– Не будь такой противной. Смотри, на пол накрошила! – Джоан повернулась ко мне. – Не подумайте, что мы сумасшедшие, Грегори.

– Я и не думаю.

– Мне надо к девочкам, – пробормотала Бриджит и убежала.

– Вы ехали в трамвае с Джоком Барнистоном, да? – спросила Джоан, глядя на меня красивыми серьезными глазами. У нее была привычка – скорее черта характера, нежели попытка привлечь внимание, – задавать такие пустяковые вопросы заинтересованным и важным тоном, словно между вами вот-вот состоится весьма откровенная беседа.

– Да. Сначала он меня расспрашивал, потом я его. Мне он понравился.

– Джок всем нравится. Папа с ним сразу подружился, как приехал в Брайдерсфорд. – Джоан огляделась по сторонам. – А где папа?

И тут до меня дошло, что я его еще не видел.

– Он ведь не мог лечь спать?

Джоан рассмеялась.

– Вот уж чего не стоит бояться! Он всегда ложится последним. Да и время раннее... Наверно, он просто забыл кому-нибудь написать – такое иногда случается. На работе он тоже рассеянный?

– Если честно, понятия не имею, – сознался я. – У меня совсем мелкая должность. Я просто заворачиваю шерсть в бумагу и приклеиваю на свертки бумажки с ценами.

– Да что вы! Это и я могла бы делать!

– Разумеется. Только я бы на вашем месте не стал.

– Отчего вы не найдете занятие поинтереснее?

– Да я нашел...

Возможно, она спросила бы меня, что это за занятие, но в эту минуту в гостиной появился мистер Элингтон. Я все еще держал блюдо с кексом, и он подошел, чтобы взять себе кусочек.

– Мне надо было написать пару писем, – объяснился он. – Что тут у вас происходит?

– Едим, пьем, болтаем, – ответила Джоан. – А Оливер пошел за нотами тех песен, о которых говорил.

– Наверняка опять какой-нибудь замысловатый аккомпанемент, – проворчал мистер Элингтон. – Я лучше постою в сторонке. – Он повернулся ко мне. – Вы читали эссе Бена Керри? Он печатается в «Йоркшир пост» и «Ивнинг экспресс». Талантливый юноша.

Я вспомнил, что действительно видел несколько его коротких, тщательно выписанных книжных рецензий и эссе о прогулках в Йоркшир-Дейлз. Тогда в газетах еще печатали подобные вещи.

– Да, кое-что читал, – осторожно ответил я.

– Вам как будто не очень понравилось, – отметила Джоан.

Уже тогда, в восемнадцать лет, я не стеснялся говорить о своих литературных вкусах.

– Ну, уж очень отдаст Конрадом, вам не кажется?

– Вообще говоря, Бен сейчас очень увлечен Конрадом, – спокойно ответил мистер Элингтон. – А что в этом дурного, Грегори?

Джоан бросила на меня еще один ободряющий взгляд, как бы позволяя высказать свое мнение. Так я и сделал.

– В самом Конраде нет ничего дурного. Но зачем ему подражать? Он пишет не по-английски, мистер Элингтон. Такое чувство, что эссе Керри переводят с других языков. И мне показалось, хотя прочел я не так уж много, что стиль не соответствует поднимаемым темам. Впрочем, это только мое мнение, – неловко закончил я.

– Полностью согласна! – заявила Джоан к моему величайшему облегчению.

– Так-так, – сказал мистер Элингтон удивленным, но ничуть не снисходительным тоном. – И все же я читаю его статьи с большим удовольствием. По-моему, Бен очень толковый парень и скоро сделает себе имя. Вот увидите. Здесь он надолго не задержится. Поэтому давайте наслаждаться его обществом, пока есть такая возможность.

– Предоставим это Еве, – заметила Джоан беззлобно, но с некоторой долей ехидства. Я понял, что Бен Керри ей не по душе.

– Бедненький котенок, бедненький котенок, – нараспев произнес мистер Элингтон, точно играя в известную салонную игру.

– Нет, пап! – возразила Джоан. – Я не со зла это говорю. Ева в самом деле...

Тут она умолкла, осознав, что я тоже стою и слушаю. Я сразу сконфузился. Видимо, она это заметила и одарила меня теплой дружеской улыбкой.

– Ах, бедный! Вы так и держите кекс!.. Давайте его сюда.

– Надо же, кто пришел! – воскликнул мистер Элингтон.

В гостиную вошла маленькая женщина с виноватым румяным лицом, а следом за ней – крепкий коротышка с пронизательными глазками, решительным носом и громким резким голосом. То был советник Нотт и его жена. Я никогда не видел советника Нотта, однако слышал о нем немало: как от дяди Майлса, который всегда отзывался о нем с изумленным восхищением, так и от других местных. Кроме того, о советнике часто и неодобрительно писали в местных газетах. В Браддерсфорде он был весьма важной птицей – один из самых неутомимых и воинственных социалистов городского совета, не шедший на уступки ни багровеющим от ярости тори, ни мягко протестующим либералам. Когда городу доставалось от королевских щедрот, именно советник вскакивал и громко возмущался подачкам, требуя революции и провозглашения республики. Он с готовностью поддерживал любые нападки на богатых предпринимателей и говорил им, что они набивают себе пузо за счет нищих детей. Нотта невозможно было запугать, подавить или хотя бы утихомирить. Мало кто из браддерсфордцев его поддерживал, однако многие ценили твердый характер и уже по одной этой причине любили его. Оказалось, что Нотты – соседи Элингтонов и часто заходят к ним в гости.

– О, миссис Элингтон, – залепетала миссис Нотт, – я сказала Фреду, что вы вряд ли захотите видеть нас в столь поздний час, но он так настаивал... Вы же знаете, какой он упертый.

– И правильно сделали, что зашли! – с улыбкой воскликнул мистер Элингтон. – Время еще детское. Мы хотели устроить небольшой концерт. Как дела, Фред?

– Ох мы и задали им жару сегодня, Джон! – ответил мистер Нотт. – По крайней мере я задал. Даже испугался, что старика Тапворта хватит удар, так он потрясал кулачищем. Я ему: «Послушайте, полковник, здесь вам не народное ополчение. Не размахивайте руками. Напрягите лучше извилины, если они у вас есть». Наживаются на бедных школьниках, сволочи! Ну ничего, мы это исправим.

– Рад за вас! – вскричал мистер Элингтон. Джоан и еще несколько человек поддержали его подобными репликами.

– Нет, мы не голодны, спасибо, голубка, – сказал Нотт одной из сестер, предложившей ему закусить. – По дороге поели.

– Знаете, что он учудил? – улыбнулась миссис Нотт, и на ее щеках появились очаровательные ямочки. – Купил рыбу с картошкой и ел из бумажного пакета прямо на улице! Нет, Фред, все-таки ты невыносим.

Она посмотрела на него восторженным взглядом преданной и любящей жены, которая, однако, не в состоянии управлять напористым нравом мужа, остающимся для нее загадочной и непостижимой силой.

– Кажется, тебе эта еда тоже пришлась по вкусу, – парировал Нотт, чем вызвал взрыв хохота у окружающих и заставил миссис Нотт покраснеть.

– Раз уж ты все равно опозорил нас обоих, я решила, что голодать мне незачем.

– Конечно, незачем, Сюзи! – вставил Джок Барнистон. – И этот раунд она выиграла, Фред. А теперь расскажи, что случилось на сегодняшнем заседании Совета.

– Мы своего добьемся, – проговорил Нотт, раскуривая маленькую пузатую трубку, похожую на него самого. – Либералы, понятное дело, уже изменили свое мнение. Полковник Тапворт, глупый старик Броттон и вся их шайка-лейка, как обычно, рвали и метали. Мол, мы снимаем с родителей всякую ответственность – да еще за счет налогоплательщиков. Словом, все как всегда. Один торговец занимается оптовой торговлей бакалеей, и фирма ему досталась от отца, сам он палец о палец не ударил, но без конца твердит про предприимчивость, – в общем, он считает, что мы помешаем детям развивать инициативность. «Ну-ну, – говорю. – Допустим, мы будем кормить голодных детей булочками с молоком и тушеным мясом с рисовым пудингом. Так что именно, булочки или мясо, отобьет у них инициативность? Если б я голодал в школе, мне бы и то и другое только прибавило инициативности». А он: «Да я не про детей говорю!» Тут я его и подловил: «Вот именно, что тебе до детей никакого дела нет. А нам есть. Походи сперва на уроки с прилипшим к спине животом...»

– Фред! – воскликнула его жена. – Ты безнадежен. Помолчи немного и дай другим вставить словечко.

– Да уж, – сказал Нотт, подмигнув мне (просто потому что я стоял ближе). – Я за день уже наговорился. А что там с музыкой?

– Вот они, ноты! – воскликнул Оливер, входя в гостиную с охапкой нот. – Хочу послушать эти песни.

– А если мы не хотим? – спросил его отец.

– Да вы же говорили, что хотите! Причем все! – негодуя ответил Оливер.

– Хотим, хотим, – с улыбкой произнесла миссис Элингтон. Она явно питала к сыну особые чувства. Оливер улыбнулся ей в ответ, и я заметил за его шумным поведением и клоунадой тонкий шарм, от которого миссис Элингтон наверняка была без ума.

– У двух песен из трех, – прокричал Оливер сестрам, – трио в аккомпанементе! Все ноты у меня есть. Лучше оставь это дело дамам, пап. Ну, девчата, поехали!

– Вот и славно, а мы сядем и помолчим немного! – взревел советник Нотт и тут же уселся на пол, а я пристроился рядом. – Разговоров я наслушался вдоволь, теперь хочется музыки. Я бы на твоём месте приглушил свет, Джон.

– Ты что это раскомандовался, Фред? – спросила его жена. – Кто в этом доме хозяин? Уж не ты ли?

– Он совершенно прав, – сказал мистер Элингтон и выключил светильник рядом с камином. – Он часто бывает прав, как ни жаль это признавать.

Пока Бриджит и Дороти Соули настраивали инструменты – скрипку и виолончель, – а Уилсон и Оливер раскладывали ноты, советник Нотт заново прикурив закопченную трубку, от которой ужасно воняло, и тихо обратился ко мне:

– Ты ведь работаешь на Джона в конторе «Хавеса и компании», так, малый? Кто-то мне про тебя рассказывал. Ну так знай, Джон – человек достойный. Я бы не сказал, что он боец – вовсе нет, и слишком уж смахивает на либерала, – однако таких людей еще поискать. Дело свое знает и не прогибается под рынок в отличие от некоторых. Умеет получать удовольствие от жизни. А мы большего и не хотим: главное, чтобы работающие люди могли наслаждаться жизнью, растить детей, встречаться с друзьями, смеяться и болтать, гулять по вересковым пустошам в выходные, читать хорошие книги, ходить в театр и слушать музыку. Джон с семьей так и живет – потому что им повезло. Да, мы только этого и просим: дать простым трудягам шанс жить точно так же, а не вкалывать круглыми сутками на фабриках, чтобы потом напиваться в баре. Немного ведь просим-то! Раньше у правящего класса куда больше просили, а взамен хотели делать куда меньше. Но попомни мои слова, малый: социализм грядет. Его уже не остановить, как бы тори ни пытались. Вот увидишь. Если они и дальше будут упираться рогом, им несдобровать. Теперь у них вариантов немного, малый. Запомни мои слова. «Да-да, именно так и говорил Фред Нотт», – скажешь потом. И вот еще что. Про меня болтают, что я злобный и дрянной человек, что я вечно против всего, что на уме у меня одни рабочие часы и зарплата. Так вот, это неправда. Я боец, и только. А сражаюсь я – и буду сражаться до последнего – за хорошую жизнь для хороших людей, особенно для несчастных работяг, которые сами ничего не смыслят и постоять за себя не могут. Пусть у них будет все, что есть у меня, пусть они так же наслаждаются жизнью – и даже больше! А если у Джона Элингтона можно послушать хорошую музыку, так я с удовольствием послушаю. И с радостью почитаю хорошие стихи, Шелли, Уитмена да Уильяма Морриса, и пусть они помогают мне бороться. Тебе я советую заняться тем же самым, малый, и как можно скорее.

Я не последовал его совету, потому что выбрал другой путь, но забыть я его не забыл. Фред Нотт воплощал собой молодое рабочее движение, когда оно еще не было испорчено властью, не было озлоблено потерей своих лидеров, когда его по-прежнему озарял свет чистых и благородных устремлений. Он был ограниченным человеком, не без детского тщеславия, однако я увидел в нем то, чего позднее не хватало многим более влиятельным лейбористам, которые знали намного больше, но словно забыли что-то очень важное, о чем Нотт всегда помнил.

Пока советник беседовал со мной, остальные рассаживались по местам в тусклом свете камина, а музыканты под большим торшером возле рояля готовились начать. Песни были главным образом современные, Оливер слышал их в Кембридже, а я ни одной не знал. Только две оказались на английском, остальные – на русском, французском и немецком. Все они обладали удивительной выразительностью, свойственной всему странному и восхитительному, непонятному, но от того не менее красивому. Пока звучали эти песни, я ненадолго оказывался в чужих непостижимых жизнях... шел по далеким лесам, мрачным и печальным, к разрушенным башням... маленькое окошко открывалось на сад, озаренный сиянием дивного цветка... влюбленные встречались в полночь на улицах Праги или Будапешта... на траве-мураве алела кровь умирающего гусара... поэты в черных плащах брели вдоль серых дюн... под высокой голубой луной по кукурузным полям шла таинственная процессия... девушки ждали своих любимых в разрушенных домах, а потом смотрелись в зеркало и видели там старух... в поисках китайской принцессы с лютней и изумрудными птицами мы погибали от жажды в пустыне... ведьмы перешептывались с палачами... мы жили, собирали розы и пили вино, смеялись и умирали, и жили снова. Но все это время я видел в противоположном темном углу бледное и серьезное, зловеще-загадочное лицо Джоан. Раз или два, подавая сигнал из своей тайной страны, она мне улыбнулась. Я видел Бриджит в ярком свете торшера: глаза ее были прикрыты вуалеткой, а

черты контрастно и благородно обрисованы светом, отчего ее лицо засияло строгой красотой, которую я и не подозревал в этой девушке. По другую сторону рояля, купаясь в желтом свете, стояла Ева и иногда пела высоким чистым голосом – золотая красавица, сонная принцесса заколдованных трамваев, по-прежнему казавшаяся мне чудом. В тот вечер, увидев дочерей мистера Элингтона сквозь дымку музыки, я влюбился разом во всех трех. Такое возможно лишь в восемнадцать лет, когда любовь еще не открытое влечение, а волшебство, когда она вздымается в нас подобно волне, на гребне которой несется разум, когда она может быть сильной, острой и одновременно рассредоточенной, радужным куполом накрывающей целую компанию. Уже одно то, что я находился в тот миг в доме Элингтонов, казалось мне лучшим из чудес. Только бы этот вечер никогда не заканчивался!

– Почаще заходи к нам в гости, Грегори, – сказал мистер Элингтон на прощание, когда мы с Джоком Барнистоном и Уилсон собрались уходить.

– Обязательно, спасибо большое, мистер Элингтон!

Но когда, когда я могу прийти? Из гостиной доносился смех девушек, которые наверняка уже забыли обо мне, и между нами выросла волшебная изгородь из колючего шиповника. Бросив напоследок еще один взгляд на вытянутое выразительное лицо мистера Элингтона, я мгновенно пришел к выводу, что его жизнь – лучшая из возможных. Вот он – пример для подражания, и мне не нужно покидать ни Баддерсфорд, ни даже контору, чтобы получить все желаемое.

На этом, оставив себя, молодого и полного надежд, на пороге дома Элингтонов в декабре 1912-го, я сознательно прекратил вспоминать прошлое. Было уже поздно, и я начал готовиться ко сну. Воскресив в памяти ощущение, испытанное за дверью заветного особняка, – что мне достаточно лишь в точности повторить путь Элингтона, и жизнь моя будет чудесна, – я спросил себя, стоя над раковиной в спальне, не спряталось ли это безумное убеждение так глубоко, чтобы я уже никогда не смог его потревожить, но чтобы оно могло вечно тревожить меня. Не этим ли объясняется моя неспособность к размеренной жизни? Не потому ли я всегда отказывался от стабильной работы, метался между городами и континентами, так легко тратил деньги на что попало, а теперь вот очутился в этой огромной дурацкой спальне с двумя старыми чемоданами, пишущей машинкой и в полном одиночестве? Раньше я думал, что во всем виновата война – Первая мировая. Но теперь стал склоняться к мысли, что корень моей неприкаянности сокрыт в более далеком прошлом: он сгинул вместе с фирмой Элингтона. Укладываясь в постель, я решил, что хотя бы по этой причине должен как можно тщательнее вспомнить годы своей жизни в Баддерсфорде.

– Ладно, Доусон, – сказал я вслух (пора было этим стенам услышать человеческий голос), – на сегодня хватит. Завтра у тебя много дел. Раз уж ты вернулся из прошлого, пусть оно подождет до следующего раза.

И как ни странно, я почти сразу уснул.

Глава четвертая

Наутро я проснулся в тяжелом смятении, какое часто одолевает меня в начале трудного дня, хотя еще не успел вспомнить, что именно меня ожидает. Потихоньку все прояснилось. Утро придется целиком посвятить работе. Почему? Ах да, к чаю сюда приедут Элизабет, Георг Адонай и Джейк Вест, мы будем до ночи обсуждать сценарий, и поработать уже не удастся.

Я решил как можно скорее вернуться в прошлое: днем, пожалуй, я смог бы вырваться на обрыв и немного подышать воздухом, предаваясь воспоминаниям. Не знаю, что мое подсознание делало ночью, однако с ним произошли какие-то изменения: я проснулся с убеждением, что вспомнить прошлое для меня столь же важно, как закончить сценарий. За ночь оно стало не менее, а более значимым, и приезд Элизабет (хотя я очень ее любил), Адонай и Джейка Веста теперь казался лишь досадной помехой. Я не хотел разговаривать ни с ними, ни с кем бы то ни было еще, пока не вспомню во всех подробностях, что случилось после приезда четы Никси в Браддерсфорд.

Все утро я просидел за работой, а в полпервого уже отправился обедать. Впервые за окнами столовой не грохотал ветер: день выдался теплый и ясный. Между гостиницей и следующей бухтой вдоль края высокого утеса вилась узкая тропа. Чуть в стороне от нее я нашел небольшую ложбинку и уселся там с двумя трубками. Яркое солнце словно выжимало аромат из цветущего утесника и травы; в голубом воздухе кричали чайки, а прибой облизывал гальку на берегу. Однако уже через несколько минут я перестал замечать великолепную сверкающую процессию весеннего дня и вновь очутился в Браддерсфорде, в слякотном и темном декабре 1912-го. Я был мужчиной средних лет, греющимся на корнуэльском солнце, и одновременно – зеленым юнцом, недавно поселившимся в Уэст-Райдинге. При этом я чувствовал, что на самом деле я ни тот ни другой, что оба они лишь персонажи в соответствующих декорациях, и оба приключения, говоря на моем профессиональном жаргоне, – лишь эпизоды фильма, который показывают бог знает где и бог знает кому.

После первого визита к Элингтонам наступила пора, почти ничем мне не запомнившаяся, разве что одной ссорой в конторе. Бухгалтер Крокстон был крайне тщеславен и любил считать себя торговцем на все руки, а не обыкновенным бухгалтером. Посему при малейшей возможности заходил в комнату для образцов и давал мне поручения. Мистер Экворт, мой непосредственный начальник, велел мне не обращать внимания на Крокстона и его приказы. Из-за этого мне все время было неловко перед Крокстоном, и то обстоятельство, что он невзлюбил меня с первого дня, только подливало масла в огонь. Однажды мистер Экворт простудился и ушел домой пораньше, а я остался убирать комнату для образцов. Тут на пороге появился Крокстон и в своей фирменной напыщенно-суетливой манере сказал мне, что сегодня мы должны поработать сверхурочно и отправить нашему немецкому агенту несколько образцов.

– Давай пошевеливайся! – вскричал он, едва не лопаюсь от чувства собственной важности. – Нечего на меня дуться, Доусон. Дело есть дело.

– Да я разве против? Но...

– Никаких «но»! – сердито отрезал он, бросая на стойку ворох ярлыков. – Делай, что говорят, да помалкивай!

– Мистер Экворт велел...

Длинный нос Крокстона задрожал от возмущения.

– Слышать ничего не хочу! Мистера Экворта здесь нет, а я есть! Эти образцы нужно отправить сегодня же. Если постараться, успеем до отхода почтового поезда. Заверни эти кроссбреды, да живо!

Я полез на стремянку, бурча себе под нос.

– Что ты там ворчишь?!

– Не ворчу я! Только говорю, что мистер Экворт не велел мне посылать образцы без его...

– Ну что за болван! – воскликнул Крокстон. – Он имел в виду, что это его работа. Но Экворта здесь нет, верно? Значит, мне придется сделать его работу за него. Давай не стой как истукан! Заворачивай кроссбреды.

Совершенно случайно, видимо, потому что у меня дрожали руки, я задел грязный тяжелый сверток с невытой шерстью, и тот свалился прямо на Крокстона, глубоко оскорбив его достоинство. В ярости он затряс стремянку, а когда я прыгнул, хотел встряхнуть и меня. Однако я был крепче и сильнее Крокстона, хоть и младше на двадцать лет, поэтому без труда его оттолкнул. Его гнев сменился ледяным белым спокойствием.

– Что ж, Доусон, с меня хватит. Надевай шляпу и проваливай. Утром я поговорю насчет тебя с мистером Элингтоном.

Он отвернулся и позвал Эллиса, чтобы тот помог ему с образцами. Если бы мистер Элингтон был у себя, я бы сразу пошел к нему и объяснился, но он уехал в Лондон и должен был вернуться только ночью.

Наутро мы получили записку от мистера Экворта: он решил отлежаться дома. Мистер Элингтон пришел позднее обычного и потому пригласил меня к себе только ближе к полудню. Он не улыбался.

– Мистер Крокстон рассказал о твоём проступке. Это очень серьезно, Грегори. – Лицо у него было скорее печальное, чем сердитое. – Он говорит, что вчера попросил тебя задержаться на работе, ты же сперва надулся, а потом и вовсе вышел из себя, швырнув в него сверток с шерстью... Нас с мистером Эквортом не было, поэтому мы оставили за главного мистера Крокстона. Почему ты не выполнил его просьбу?

– Я не выходил из себя и ничем не швырялся, – возразил я. – Это неправда. Сверток упал случайно. Мистер Крокстон сам вышел из себя...

– Не важно, – оборвал меня мистер Элингтон. – Я хочу знать, почему ты отказался поработать сверхурочно, раз это было необходимо.

В юности, когда мы полны надежд, но еще не уверены в себе, несправедливость обрушивается на нас подобно железному занавесу, и мы сразу же начинаем бороться и кричать.

– Да не отказывался я, мистер Элингтон! – вскричал я. – Все было не так. Он меня недолюбливает...

– Хватит орать. Если тебе есть что сказать, скажи по-хорошему.

На несколько секунд я лишился дара речи и стоял молча, наверняка производя впечатление нагловатого юнца, который вполне может швырнуть что угодно и в кого угодно.

Мистер Элингтон вздохнул и бросил нетерпеливый взгляд на стопку писем у него на столе.

– Ну?

– Мистер Элингтон, – начал я осторожно, – мистер Крокстон попросил меня завернуть и отправить образцы нашему немецкому агенту. Я пытался объяснить ему, что мистер Экворт не велел отправлять образцы, пока он лично их не проверит – или вы, разумеется. И еще он сказал, чтобы я не подчинялся мистеру Крокстону.

– А мистеру Крокстону ты это объяснил?

– Нет, он не стал слушать! Я и слова вставить не успел, как он взбесился.

Мистер Элингтон приподнял удивительные густые брови, которые всегда жили собственной жизнью, точно два мохнатых зверька. Его длинное лицо немного скривилось, словно он хотел улыбнуться, но передумал.

– Так ты не выходил из себя?

– Нет, сэр. Потом он начал трясти подо мной стремянку, а когда я кое-как прыгнул, схватил меня за грудки. Зачем он так? Мог бы и послушать, что я говорю. Ведь я только пытался передать ему слова мистера Экворта. Вы сами сказали, что я работаю под его началом.

– Да, однако он заболел. Кто-то должен был его заменить. – Мистер Элингтон снова стал суровым. – В следующий раз, когда мистер Крокстон останется за главного, просто выполняй его поручения, Грегори, и все.

– Но что я могу сделать, если...

Он снова меня оборвал:

– Хватит. Возвращайся к себе и приступай к работе. Я вполне понимаю, почему мистеру Крокстону не понравилась твоя запальчивость, Грегори. Мне она тоже не нравится. Поработай над собой.

В юности нас чаще обычного посещают не только обида и замешательство, но и внезапные озарения. Отвернувшись от мистера Элингтона и внутренне решив, что его подменили сварливым и неразумным чужаком, я вдруг осознал: он вернулся из Лондона встревоженный и озабоченный. Я почувствовал в нем слабость духа, которая не позволяла ему уладить конфликт между Эквортом и Крокстоном. Он свалил вину на другого, чтобы, по своему обыкновению, спрятать эту слабость даже от самого себя. Мне же оставалось только одно.

– Хорошо, мистер Элингтон, – смиренно произнес я и вышел.

На следующее утро мистер Экворт пришел на работу мрачнее тучи. Простуда выбила его из колеи. Войдя в комнату для образцов и заглянув в журнал, куда мы вносили отправленные образцы, он тут же начал орать:

– Это еще что за новости?! Иди сюда, малый, иди сюда. Тут список кроссбредов, отправленных позавчера в Германию. Вот посмотри. Держу пари, это Крокстон постарался, узнаю его почерк. Стоило мне отвернуться!

Он бухнул журнал об стол и смерил себя злобным взглядом.

– Да что толку с тобой разговаривать! Все равно что со стенкой. Я же тебе сказал: ты работаешь в комнате для образцов со мной и больше ни с кем! Если меня нет на месте, твоя задача – следить за порядком и не пускать сюда всяких балбесов. Говорил я такое или нет?! Надрать бы тебе задницу...

– Ну все, хватит с меня! – рассвирепел я. – Из-за того, что вы мне велели, я поссорился с Крокстоном! А потом он пожаловался мистеру Элингтону, и от него мне тоже попало! А теперь еще вы... Разве я виноват, что вы не можете разобраться со своими обязанностями?

– Так, малый, еще раз позволишь себе такой тон...

– К черту! – Я сорвал с себя передник и швырнул его в угол. – Надоело. Говорю вам, я не виноват...

– Верно, это я виноват.

В дверях комнаты стоял мистер Элингтон. На его лице сияла улыбка. Я сразу почувствовал себя дураком.

– Вы не ослышались, это моя вина, – продолжил он. – Куда ты собрался, Грегори?

– Не знаю, – пробубнил я. – Домой, наверно.

Он приподнял брови.

– Так ты хочешь от нас уйти?

– Нет, мистер Элингтон, не хочу, – искренне ответил я. – Но это ужасно несправедливо, что мистер Экворт начал на меня орать...

– Ладно, малый, помолчи уже, – перебил меня мистер Экворт. – Надевай передник и за работу. Значит так, вот список образцов, которые надо отправить как можно скорее...

– Минутку, Грегори, – уже без улыбки проговорил мистер Элингтон. – Я действительно считаю, что ты не виноват.

– Не виноват, – признал Экворт. – Но мог бы и поскромнее себя вести.

– В будущем мы постараемся уладить все так, чтобы у тебя не возникало сомнений насчет своих обязанностей, – сказал мистер Элингтон, вновь улыбаясь. – Теперь займись образцами, но разбирай их в дальнем углу, пожалуйста. Мне надо поговорить с мистером Эквортом.

Пока я заворачивал образцы в дальнем углу, они склонились над стойкой и тихо о чем-то беседовали. Я расслышал всего несколько слов, но этого было достаточно, чтобы понять: они обсуждают не нашу маленькую ссору, а что-то связанное со штаб-квартирой в Лондоне, о которой я ровным счетом ничего не знал. Вот что я сумел разобрать: старый Кто-то-там решил отойти от дел, и большая часть его акций достанется некому Бакнеру. Мистеру Элингтону это очень не понравилось, и Экварту тоже. Тут я подошел к стойке за журналом и услышал вот что: «...Да, молодой племянник Бакнера по фамилии Никси. Я пару раз с ним общался. Вроде бы приятный человек...» В тот день я впервые услышал имя Никси.

Конечно, тогда оно меня не заинтересовало. Бакнеры и их племянники были мне безразличны. Я ничего не знал о лондонской конторе и не был знаком с тамошними сотрудниками. А вот то, что мистер Элингтон извинился и снова разговаривал со мной не как с запальчивым мальчишкой, а на равных, согрело мне душу. Однако в наших отношениях до и после ссоры все же была разница (для меня очень серьезная): я опять почувствовал себя неловко, как в самом начале, и не решался пойти в гости к Элингтонам. Да, он сам меня пригласил, но если я пойду в ближайшие дни, он может подумать, что я хочу использовать нашу ссору в своих интересах. По крайней мере так я воспринимал сложившееся положение, и мне не пришло в голову, что мистер Элингтон может и не видеть все в таком мрачном свете. Никто мне не говорил, что взрослые куда проще смотрят на отношения, а молодежь часто бывает излишне мнительна.

Рождество было на носу, и я рассчитывал на чудесные рождественские посиделки у Элингтонов. Я уже видел, как пирую в их славном кругу – не в само Рождество, разумеется, но накануне или на второй день, а может, и на третий или четвертый: в Браддерсфорде тех лет рождественские праздники растягивались на много дней и отличались особой пышностью. С возрастом я стал воспринимать эту пору, которая начиналась уже в ноябре, как повод для продавцов сувенирных лавок и магазинов заработать побольше денег, как аферу для повышения зимних прибылей. Но в те годы Йоркшир еще не пал жертвой потребительской лихорадки, люди праздновали Рождество весело и от души. Праздники начинались точно вовремя, 24 декабря, и тогда уж браддерсфордцев было не остановить (даже снег шел будто бы чаще). На улицах играли оркестры и пели хоры; вы обходили дюжину домов, съедали тонны кексов и мясных пирогов, запивая их галлонами пива и портвейна, виски и рома; сигарный дым так густо пропитывал воздух, что, казалось, его выдувают фабричные трубы; подарки исчислялись сотнями; интерьер любого дома напоминал фламандские натюрморты с индейками, гусями, ветчиной, пудингами, засахаренными фруктами, винными бутылками, инжиром, финиками, шоколадом, остролистом и пестрыми бумажными шляпами. То была сказочная страна молочных рек и кисельных берегов, и с тех пор мир не знал ничего подобного – да и вряд ли когда-нибудь узнает.

В контору, хоть это наверняка было запрещено законом, постоянно прибывали ящики со спиртным, сигарами и прочими гостинцами от фирм, с которыми мы работали, а Джо Экворт, полностью поправившийся и уже пахнущий виски и гаванскими сигарами, превратился в коренастого, безбородого и сварливого Санта Клауса. Крокстон выдал нам двойное жалованье и стал понемногу воплощать в жизнь свои представления о том, как кассир-джентльмен должен радоваться Рождеству. Мистер Элингтон носился туда-сюда с пакетами и свертками. Наверху, на складе, старик Сэм каким-то чудом успел напиться в обеденный перерыв и остаток дня спорил о религии с тремя сортировщиками шерсти, которые не отличались ни набожностью, ни интересом к теологии, зато любили поспорить со стариком Сэмом.

– Иди сюда, Грег! – крикнул он, увидев меня на пороге склада. Его «военный» глаз остекленел, зато другой, гражданский и независимый, попеременно подмигивал и слезился. – Вот этот малый понимает, что к чему. Держу пари, он со мной согласится. А почему? Потому что я говорю разумные вещи! Мир и благоволение? Да пожалуйста, я только «за»! Рождество и

все такое прочее... Только не надо мне рассказывать про богов, сыновья которых рождаются в хлеву, чушь это собачья! Я головой думаю в отличие от вас.

– А чем ты думал, когда велел поставить сюда эти тюки? – спросил неизвестно откуда взявшийся Джо Экворт. – Ты посмотри-ка! Что я тебе говорил?

– Головой я думал, головой! – проорал старик Сэм (он всегда орал на Экворта, даже когда был трезв). – Здесь им самое место, потому что они пойдут вперед мериносов. Забыл небось, а? Ну а я не забыл! Все разумно.

– Ладно, твое дело! – крикнул в ответ Экворт. – Сигару-то будешь, нет?

– Отчего же нет! – рявкнул старик Сэм. – И эти парни тоже не откажутся. Хорош кочевряться, мистер Экворт, давай сюда свои сигары.

Все еще сердясь и бранясь, Экворт быстро раздал всем сигары.

– Кубинские «партагас»!.. Вам-то все одно, что курить – хоть капусту.

Один или два сортировщика тут же закурили, и на складе сразу наступило Рождество.

Экворт позвал меня обратно в комнату для образцов.

– Значится так, малый, – начал он сердитым тоном, как будто я снова провинился. – Ты мой адрес знаешь, нет? Дом называется «Розарий», предпоследний справа, если идти в сторону лошины Уэбли. Доезжаешь на трамвае до конечной, потом четверть часа топаешь пешком на холм. Я это к чему? Мы даем большой званый ужин на второй день Рождества. Если не хочешь, не приходи! – злобно проорал он. – Как душе будет угодно, чтоб тебя! А если все-таки надумаешь, милости просим.

Я поблагодарил его, но сказал, что пока не знаю дядиных и тетиных планов на этот вечер. На самом деле они никуда не собирались, просто я еще надеялся получить приглашение от Элингтонов. Я бы с удовольствием навестил Джо Экворта и его «Розарий», однако меня по-прежнему манила лишь волшебная компания: их магия, увы, высосала все краски из прочих радостей жизни. Канун Рождества и само Рождество я пообещал провести с дядей, тетей и их друзьями, но никакого волшебства в этом не было, я лишь выполнял свой долг перед семьей. А поскольку мистер Элингтон, к моему великому разочарованию, так и не пригласил меня в гости на праздники, я покинул контору в безрадостном и почти скверном настроении.

Всю свою жизнь, стоило мне на что-нибудь понадеяться, меня ждало глубокое разочарование. И наоборот, когда я смирялся с неизбежной повседневностью, мироздание удивляло меня чем-нибудь приятным. Так произошло и в это Рождество. Все устроилось наилучшим образом, как говорят в Йоркшире, «складно да ладно». Я ожидал, что мне предстоят скучные праздники в кругу стариков (ради тети и дяди я пошел бы и не на такое), а вышло по-настоящему весело. Канун Рождества, как было заведено в те годы, мы провели в гостях – в основном у игроков в вист, которые часто собирались дома у дяди и тети. Среди них оказалось множество удивительных и презабавных личностей. (Сидя на корнуэльском обрыве в то утро, я невольно задался вопросом, существуют ли такие персонажи в наши дни. Если да, я их не встречал.) Например, некий мистер Пекель – невероятно толстый и с высоким визгливым голосом – на удивление хорошо показывал фокусы и смешно робел перед собственной женой, крошечной и бойкой леди. Мистер Варквуд, похожий на Авраама Линкольна, вновь и вновь зачитывал Герберта Спенсера и, будучи завзятым индивидуалистом, вел нескончаемую войну со сборщиками налогов. Супруга у него была пухлая и веселая дама, которая не понимала ни слова из разглагольствований мужа, зато славилась своей выпечкой. Мистер Данстер, грозный здоровяк и брюзга, ужасно сквернословил у себя на фабрике, но в часы досуга мог пройти тридцать миль по вересковым пустошам, любясь полевыми цветочками. Выпив несколько бокалов виски, мистер Данстер страшным басом пел «Уснули в пучине». Еще один дядюшкин друг, чье имя я забыл, – главный зарубежный корреспондент одного крупного издания, свободно владел дюжиной языков. Его романтическая супруга, обвешанная экзотическими украшениями, была родом с юга страны, и у людей невольно складывалось впечатление, что мужу она досталась

в придачу к иностранным языкам как образец нездешних манер и поведения. Я всегда удивлялся, что они не говорят на ломаном английском, по крайней мере где-то в глубине души они наверняка его ломали. Еще был мистер Блэкшоу, торговец отходами шерстяного производства, крупный и очень серьезный, очень добрый и щедрый человек без намека на чувство юмора: дядя Майлс и прочие остряки постоянно его разыгрывали. Однако главным сообщником дяди и моим любимцем был весельчак и оптовый торговец табаком Джонни Лакетт: у него были густые волнистые волосы и огромные черные усы, одевался он очень стильно и, по-моему, всегда был слегка подшофе. Две сестры Джонни Лакетта играли в театре, поэтому сам он и его жена – могучая беспечная женщина с могучим беспечным голосом, которая временами пела на концертах, – казалось, тоже имели отношение к сцене. Они ходили на все местные спектакли, знали все театральные сплетни и часто посещали загадочные фуршеты в гостинице «Корона». Джонни мог часами играть на пианино и знал наизусть сотни юмористических песенок. Исполнив несколько таких номеров, они с миссис Лакетт принимались петь «В старом Мадриде» и «Я грезил», а потом с потрясающей уверенностью и мастерством исполняли «Скажи, красавица» из комедийного мюзикла «Флородора». Они восхищали меня, эти Лакетты, и я до сих пор жалею, что не познакомился с ними поближе.

Последней супружеской четой, к которой мы зашли в гости тем вечером, были Пакрапы – скромные, добрые и застенчивые люди, на которых неожиданно свалилось изрядное наследство. Теперь они жили в мрачном старинном поместье среди десятка слуг, которых боялись до потери пульса, и робко устраивали шикарнейшие приемы. Я по сей день вижу, как маленький мистер Пакрап с виноватым видом наливает мне отменный выдержанный бренди, словно это выдохшееся пиво, а миссис Пакрап протягивает дрожащую руку к шнурку колокольчика.

Однако мне совестно описывать этих людей вот так, коротко и хладнокровно, словно зверей в зоопарке. Они жили в атмосфере дружбы, любви, гостеприимства и старомодных розыгрышей. Конечно, у них тоже были свои печали и заботы, просто я по молодости о них не догадывался. Сами они не считали свой мир таким уж уютным, безопасным и теплым, каким его воспринимал я. Тем не менее с 1914 года, когда засвистели пули и начали расти горы трупов, никогда и нигде я больше не находил такого уюта и тепла. Любое веселье – на Рождество и прочие праздники – стало казаться мне наигранным и натужным. Дядя Майлс и его друзья не пытались забытья. Страшные воспоминания их не преследовали. Они еще не догадывались о жестокости людей; их сердце не было разбито. Они совершенно искренне, без иронии радовались звону колокольчиков и рождественским песнопениям. Веселое Рождество праздновали от всей души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.